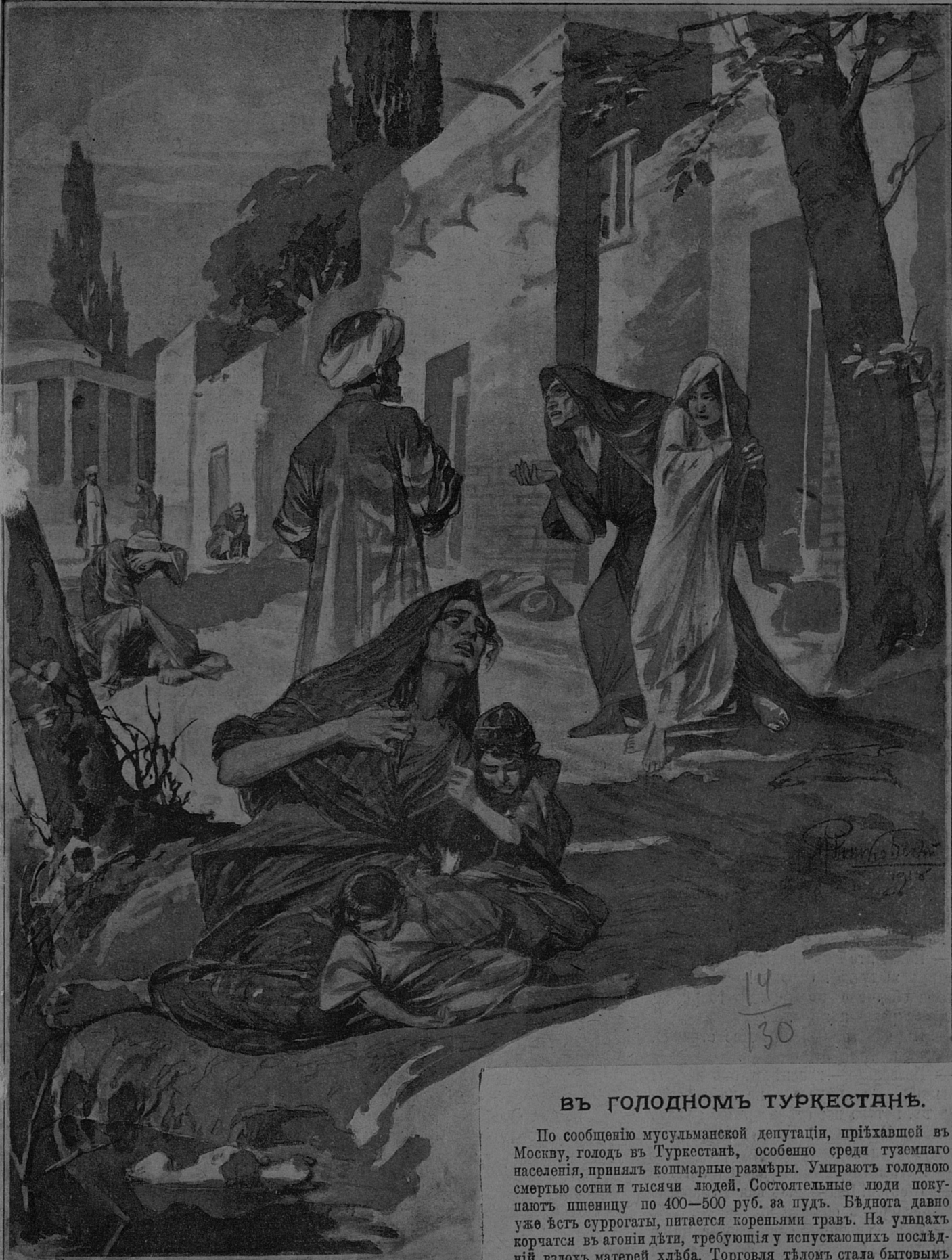

Отдѣльные номера:

въ Петроградѣ **ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТЬ (65) коп.**,

въ провинціи **СЕМЬДЕСЯТЬ (70) коп.**,

на станц. жел. дор. **75 коп.**,

ВЪ ГОЛОДНОМЪ ТУРКЕСТАНѢ.

По сообщенію мусульманской депутаціи, пріѣхавшей въ Москву, голодь въ Туркестанѣ, особенно среди туземнаго населенія, принялъ кошмарные размѣры. Умирають голодною смертью сотни и тысячи людей. Состоятельные люди покупають пшеницу по 400—500 руб. за пудъ. Бѣднота давно уже ѣстъ суррогаты, питается кореньями травъ. На улицахъ корчатся въ агоніи дѣти, требующія у испускающихъ послѣдній вздохъ матерей хлѣба. Торговля тѣломъ стала бытовымъ явленіемъ. Продають дѣвушекъ, чтобы покормить дѣтей. Краю грозитъ гибель и запустѣніе.

**В ы д а ч а „О Г О Н Ъ К А“
д л я р о з н и ч н о й п р о д а ж и:
в ь т и п о г р а ф и и ж у р н а л а**

(Государственная Типография, Гатчинская, 26, входъ со двора);
в ь Невскомъ отдѣленіи конторы „ОГОНЬКА“—Невскій пр., 50,
и во временной конторѣ „ОГОНЬКА“ Галерная, 63, кв. 2, комната 4.

Продовольственная
управа.

У голубой панели—
трутся шали въ ту-
рецкихъ «бобахъ»,
суконные полушал-
ки, вдовьи, изъ гор-
сточки муара, шляп-
ки-лодочки.

Петроградъ въ эти дни

Очеркъ АВГУРА.

Наброски съ натуры для „Огонька“ худ. М. АНДРЕЕВА.

питерскихъ подва-
ловъ, дѣтвору—ни-
кого тутъ не смѣ-
шать...

* * *

Кривой переулочъ.
Снѣгъ лежитъ чер-
ными полосами по

У многихъ, на баюкающихъ, дагру съ хирагрой записали. Вѣдь, вздоръ, матушка. Это же грудной ребенокъ, а не камергеръ какой, прости Господи. Откуда ка- на него старческихъ болѣзней понабрала?

— Докторъ припи-
самши.

— Ужъ вѣрно, что «приписамши». Выби-
рала бы умнаго, что ли,
доктора, а не... дурака.
Стыдно. Ну... что ему?

— Молочка!

— Хорошо. Получите.

— Слѣдующая. У
васъ что? Ребенокъ! Ре-
цептъ покажите? Мало-
кровіе? Получите муку.

Очередь надвигается.
Кто-то изнеможенно
кашляетъ.

Чухля, большеголо-
вая дѣти, съ маков-
ками, вспученными словно отъ воды,
качаются бессмысленно на рукахъ.

Жуткая картина.

И даже нелѣпые
рецепты нѣкоторыхъ
врачей, во что бы то
ни стало, хотя бы и
комическими отпи-
сками, старающихся
спасти жалкіе всходы

обочинамъ тротуаровъ.

Снѣгъ свисаетъ и съ гонтовой крыши,
съ накренившагося забора; лежитъ уха-
бами среди мостовой.

Отвратительно пахнетъ то, что нѣ-
сколько мѣсяцевъ тому назадъ волшебнo-
искрющимися пылинками, сине-розовыми
звѣздочками падало съ зимняго неба.

Жалкій переулочъ, населенный петро-
градской нищетой, затопталъ бѣлизну
снѣга въ мутную черноту, просочилъ
отбросами, загноилъ.

Теперь у тротуара стоитъ четырех-
угольный «конусъ», какъ его назы-
ваютъ дворники, то есть снѣготаялка.

Снѣготаялка дымитъ и посылаетъ въ
бѣлосое, скучное небо хлопья дыма,
коричневые полосы, перевитые искрами.

Пахнетъ вкусно и уютно дымкомъ,
подгорѣлой, закопченной берестой, сѣю-
щей въ грязный воздухъ ароматъ—
чистый, грустный...

Выбѣжала изъ воротъ баба съ сов-
комъ. Оглянулась.

Никого нѣтъ. Истопники сидятъ у ко-
нуса съ солнечной
стороны и подреми-
ваютъ за табакомъ.

Баба крадется на
войлочныхъ носкахъ
своихъ протоптан-
ныхъ постоловъ и ста-

чивающихся размѣренно рукахъ—чах-
лыя дѣти.

Большинство лицъ такихъ, словно
сказочный вурдалакъ до кровиночки вы-
пилъ всѣ краски изъ щекъ, ушей, губъ...
Дѣти орутъ. Съ голодухи.

Но матери привыкли къ своему го-
лоду и голоду дѣтей.

Суровый мозолистый шлепокъ вмѣстѣ
съ прервавшимся дыханіемъ выбиваетъ
изъ дѣтской, по куриному-чахлоу, грудки
свирѣпый, голодный крикъ.

За столикомъ, покрытомъ талонами
на право быть полусытымъ, сидитъ дѣ-
вица въ затѣйливой прическѣ и выписы-
ваетъ неспѣша.

— Покажите вашъ рецептикъ?.. Гмм!..
Катарръ желудка?! Странно!

Баба обидчиво поджигаетъ голубова-
тыя, безкровныя губы...

— И ничего, милая, не странно.
Обнаковенно!

— Позвольте,—краснѣетъ отъ досады
барышня,—я ничего... не имѣю. На-
оборотъ. Готова все сдѣлать, чтобы вашъ
ребенокъ былъ сытъ. Но—«катарръ же-
лудка». Сколько ему, малыцу то?

— Пятьмѣсяцевъ миновало, ша-астой...

— Шестой! Подумаешь, какой старикъ!
Уже катарромъ обзавелся.

— Эхъ, барышня, сами знаете, пици
наши какія. Картоха и та на три рубли
тянетъ.

— Но катарръ!!! Вы бы еще ему—по-

См. прод. на 3-ей стр. обложки.

Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение рукописей не обязательно. Редакция просит фотографов-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событий. Помещенные в журнал фотографии оплачиваются по принятой редакцией расценке.

Еженедельный художественно-литературный журнал

Огонек

Годъ изданія II-й.

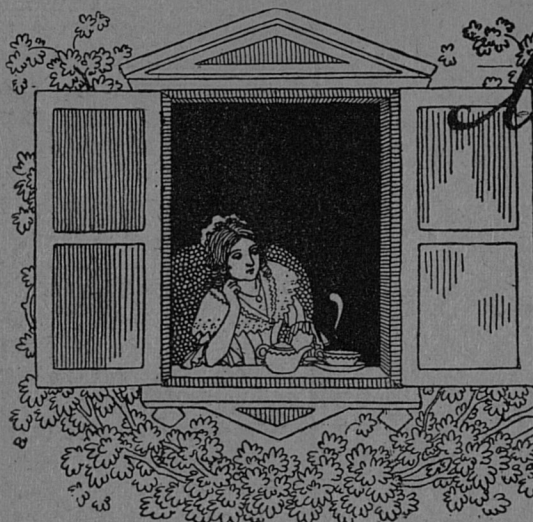
Цѣна „Огонька“
въ розничной продажѣ:
въ Петроградѣ 65 коп.
въ Петроградѣ 70 коп.
на ст. жел. дор. 75 коп.
—
Редакція „Огонька“
Петроградъ, Офицерская ул.,
№ 54.

№ 8

Воскресенье, 28 (15) апрѣля 1918 г.

№ 8

Перепечатка литературнаго, художественнаго и фотографическаго матеріала „Огонька“ безъ полнаго указанія источника воспрещается (законъ 20 марта 1911 г.).

Марья Ивановна селыжанина стерушки.

Разсказъ П. П. ГНѢДИЧА.

Иллюстрировалъ для „Огонька“ худ. С. ЛОДЫГИНЪ.

I.

Говорили о Мопассанѣ. — Кто-то вспомнилъ его разсказъ, гдѣ описывается смерть крестьянина. Она пришлась какъ разъ во время сельскихъ работъ. Сынъ и сноха очень этимъ встревожились: не помѣшали бы похоронный обрядъ жатвѣ. Старикъ умиралъ долго. Ждали до послѣдней возможности, не выдержали и оповѣстили родныхъ и знакомыхъ, что онъ умеръ; созвали всѣхъ на похороны и напекли яблочныхъ оладій. А старикъ подвелъ ихъ и дышалъ, когда всѣ собрались его хоронить. Сконфуженные гости и хозяйка начали ѣсть поминальные оладьи; сидръ развеселилъ ихъ, и въ самый разгаръ пиршества, наконецъ, старикъ, къ общему удовольствію, умеръ.

— Ужасные нравы у этого просто-народа, — замѣтила одна дама.

— Это что! — возразилъ одинъ плѣшивый, сѣдоватый человѣкъ съ длиннымъ лицомъ, какъ подержанный пустой кошелекъ. — А вотъ у меня была тетка Марья Ивановна, такъ она, умирая, всю свою родню поставила въ неловкое положеніе своею деликатностью...

Къ нему обратились съ предложеніемъ разсказать подробно, какъ было дѣло.

И вотъ что онъ разсказалъ.

II.

Каждое поколѣніе носитъ на себѣ особыя черты. Одно — были люди начала

другое — представители сороковыхъ годовъ, третье — шестидесятники, четвертое — восьмидесятники. Восьмидесятники, на примѣръ, всѣ были люди рыхлые. До сихъ поръ эта нравственная рыхлость чувствуется. Они какъ-то распускали слюни и замирали въ блаженномъ созерцаніи. Тетюшка Марья Ивановна принадлежала къ людямъ сороковыхъ годовъ. А это поколѣніе было необычайно вѣжливо и предупредительно. Люди все выискивали: а нельзя-ли что-нибудь сдѣлать или хотя-бы сказать кому пріятное?

Марья Ивановна овдовѣла рано, и никому болѣе пріятностей супружеской жизни не доставляла. Ужъ ей говорилъ ее братъ, дядя мой, Авдѣй Ивановичъ:

— Что же ты, Марточка, себя даромъ маринуешь? Ты — женщина еще молодая. Тетя на это отвѣчала:

— Ахъ, Адя, — ты все съ глупостями!

Но онъ не унимался.

— Хороши глупости, если на этомъ основаны всѣ судьбы человѣчества. У тебя состояніе есть, — твоя обязанность лѣтъ жизнь себѣ подобнымъ.

— Не желаю, — возражала тетя. — Съ меня довольно и того, что я шесть лѣтъ была замужемъ за Логгиномъ Оаддеичемъ.

Логгинъ Оаддеичъ пилъ безъ просыпа, а когда былъ непьянъ, игралъ въ карты со своимъ духовникомъ, отцемъ Фавстомъ, съ потерявшимъ всѣ пять

девятнадцатаго чувствъ адмираломъ Свиридоновымъ и вѣка, совсѣмъ болваномъ. Марья Ивановна любила своего мужа, потому что онъ былъ очень красивъ: въ плечахъ — косая сажень, огромнаго роста, голова курчавая, зубы крѣпкіе, какъ слоновые бивни, а самъ онъ былъ весь волосатый. И когда онъ умеръ, она рѣшительно сказала:

— Нѣтъ ужъ довольно!

Ее уговаривалъ и отецъ Фавстъ, указывая, что самъ Христосъ былъ на свадьбѣ въ Канѣ Галилейской. Она возражала:

— Я лучше вамъ опять поясъ шелками вышью, а вы эти уговоры оставьте. Не желаю ничего подобнаго.

III.

И такъ, всѣ ея пріятства увядали. Любители заглядывали на ея полненькія румяныя щечки, смотрѣли въ ея каріе живые глазки, наблюдали за ея пухлыми ручками, которыя то возились съ длинными вязальными деревянными спицами, то варили варенье, то раскладывали гранъ-пассьянсъ;

И всѣ недоумѣвали:

— Что она сидитъ въ своемъ мурѣ? Этакій продуктъ и даромъ усыхаетъ. Зимой она жила въ Петербургѣ, ѣздила всегда въ итальянскую оперу, въ великомъ посту говѣла у отца Фавста, а онъ только махалъ рукой и говорилъ: «Ну, какіе у васъ грѣхи, — ребячьи!» А она плакала и сокрушенно отвѣчала:

— Не скажите, отецъ Фавстъ, охъ, не скажите. Что вы снисходительность

Лодыгинъ

проявляете, такъ это въ вашемъ естествѣ заложено. А я грѣшница, какъ и всѣ прочія.

Лѣтомъ она жила въ родовомъ имѣннѣ въ полуторасти верстахъ отъ города. Одинъ изъ ея предковъ былъ остзейскимъ барономъ, и его плетку еще помнили многіе крестьяне. Марѳа Ивановна лѣчила весь округъ гомеопатіей, и чрезвычайнo успѣшно. Особенно отъ живота и воспаленія глазъ помогали ея крупики. Бабы длинными вереницами тянулись къ ней:

— Матушка, дай твоей крупы. Третій годъ бокъ болитъ, а въ какомъ мѣстѣ — не знаю. Истошала: болѣсть и поросенка не красить.

И всѣ у нея «болевшились», и всѣхъ она излѣчивала. Докторъ Завришенко, что насъ лѣчилъ, не разъ ей говаривалъ:

— Ой, Марѳа Ивановна, практику вы отъ насъ отбиваете! Донесу я на васъ, что вы безъ дозволенія народъ пользуете.

А она на это отвѣчала: — Ничего со мной сдѣлать невозможно, если я самого губернатора отъ фурункула излѣчила, а становаго отъ грыжи.

IV.

Такъ какъ у Марѳы Ивановны состояніе было большое, то ее всѣ родственники очень любили. И чѣмъ она старѣе дѣлалась, чѣмъ ближе подходила къ смерти, тѣмъ любовь ихъ проявлялась сильнѣе. Они даже ссорились между собой, и наперерывъ старались ей угождать.

Но, въ сущности, хотя ей уже было восемьдесятъ лѣтъ, она была очень подвижной старушкой, попрежнему варила лѣтомъ варенья, — и только оглохла на оба уха. Оглохла она совсѣмъ, такъ что, несмотря на усиленный крикъ въ самыя уши, не слышала ничего. Впрочемъ она примирилась съ этимъ очень скоро.

— Я уже довольно наслухалась всего, — а теперь даже спокойна, что ничего не слышу.

А когда ей писала на аспидной доскѣ двоюродная внучка-институтка:

— Вы, бабушка, не терзаетесь этимъ? Она отвѣчала:

— Вотъ еще, — терзаться! Меньше глупостей слышу.

Она даже какъ будто лучше стала все варить и мариновать. Точно у нея одиѣ способности ушли и перевоплотились въ другія. Иногда она сидѣла въ углу и на всѣхъ смотрѣла, точно жительница съ другой планеты.

— Что вы, тетя, такъ смотрите, — вамъ скучно? — спрашивали у нея.

— Ничего не скучно. Смотрю.

— Ну, и что-же? Странно вамъ, что мы жестикулируемъ, шевелимъ губами, и молчимъ?

— Ничего не странно. А только смѣшно.

Разъ она сказала:

— Я пріѣхала съ мужемъ въ Венецію. И такъ тихо. Ни колеса не стучатъ, ни разносчики не кричатъ, — одни гондолы плюхаютъ по водѣ.

«...Она была очень подвижной старушкой, попрежнему варила лѣтомъ варенья, — и только оглохла на оба уха...»

А потомъ, помолчавъ, прибавила:

— Вотъ и у меня въ головѣ Венеція теперь.

V.

Начала она умирать не отъ какой-нибудь болѣзни, а просто потому, что пошелъ ей девятый десятокъ. Отецъ Фавстъ утѣшалъ, что это — предѣльный возрастъ и что на это указывалъ даже Давидъ. — Завришенко былъ того же мнѣнія. Онъ говорилъ:

— Въ сущности, вы ничѣмъ не больны. Теперь для подкрѣпленія — бромистый калий и желѣзо прописываютъ. Попринимайте на перемѣну того и другого — ну, и посмотримъ.

Она поприимала, Завришенко по-смотрѣлъ. Такъ протянулся годъ, пере-валилъ на другой. Марѳа Ивановна все слабѣла.

— Изноился организмъ, — оправдывался Завришенко, — тутъ медицина ничѣмъ пособить не можетъ.

Завришенко считалъ себя превосходнымъ лѣкаремъ. Онъ увѣрялъ, что давно былъ бы лейбъ-мелікомъ, если бы не сомнительная его фамилія, которая внушала опасенія. Онъ ужъ ходатайствовалъ, чтобъ вмѣсто Завришенко позволили ему зваться Гавришенко, но ходатайство это было отклонено по неизвѣстнымъ причинамъ.

По его настоянію, все же состоялась консультація. На консультацію приглашено было такое свѣтило медицинскаго міра, что аптекаря на сигнатуркахъ его лѣкарствъ ставили крупнѣйшими буквами «*Excellens academicus*», что, должно быть, соответствовало титулу «ваше высокопревосходительство». Свѣтило въ это время занималось только печенью и ничѣмъ болѣе не интересовалось. Поэтому, онъ первымъ дѣломъ выстукалъ и даже нарисовалъ на тѣлѣ старушки ея мѣсто. А потомъ спросилъ, сколько Марѳа Ивановна лѣтъ. Узнавъ точно цифру, онъ одобрилъ:

— Хорошій возрастъ.

И прибавилъ: — Печень почти нормальна. А бромъ продолжайте: это хорошо.

Онъ получилъ сто рублей за визитъ и уѣхалъ.

VI.

Въ маѣ мѣсяцѣ обыкновенно всѣ наши изъ Петербурга направлялись въ имѣнье. Оставалась одна молодежь, которая должна была сдавать экзамены въ училищахъ, корпусахъ, гимназіяхъ, институтахъ. Такъ исконно велось у всѣхъ культурныхъ народовъ:

лучшее время года, когда все расцвѣтаетъ, мотыльки начинаютъ пухать своими нѣжными крылышками въ теплое воздухъ, кукушка кукуетъ, серебристый ландышъ изъ-подъ куста «привѣтливо киваетъ», соловьи заливаются, — въ это время учитель математики предлагаетъ юношамъ:

— Определите величину поверхности конуса, если высота его...

Или учитель исторіи спрашиваетъ:

— А за что преслѣдовали во Франціи альбигойцевъ?

И когда ученикъ тоскливо смотритъ на пуговицы ассистента, директоръ заявляетъ:

— Плохо-съ. Очень плохо... Переэкзаменовка въ августъ.

Мареа Ивановна уѣзжала въ первую голову. Она наблюдала, чтобъ старый деревенскій домъ приведенъ былъ въ порядокъ, мебель стояла на мѣстахъ, маркизы повѣшены. Домъ былъ помѣстительный, и за столъ каждый день садилось человекъ тридцать. Приѣзжали всѣ на все уже готовое. И вдругъ Мареа Ивановна почувствовала, что она не можетъ на этотъ разъ не только привести домъ въ порядокъ, но даже поѣхать изъ города въ деревню.

— Какъ же вы безъ меня будете?— сокрушалась она.

Оставить старушку одну въ городѣ было неприлично. Везти ее въ деревню Завришенку не позволялъ. А ночи становились все короче и короче, сумракъ все болѣе наливался бѣлесоватымъ свѣтомъ немеркнувшей зари, опалово-перламутровымъ блескомъ разливался по улицамъ, все сильнѣе врывался въ комнаты и не позволялъ погружаться въ ночную тьму не только тѣмъ вещамъ, что были у оконъ, но даже тѣмъ шкапамъ и столамъ, что стояли по самой отдаленной отъ свѣта стѣнѣ. Ужъ клейкіе листики на деревьяхъ, во дворѣ передъ окнами,

какъ тетеревъ, спросилъ при ней доктора:

— А долго она такъ протянетъ?

Докторъ вытянулъ губы, собралъ ихъ, какъ верхъ кисета, на сборку, пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Ну много-много дней десять.

— Однако!— замѣтилъ спрашивавшій и, подумавъ, прибавилъ:— значитъ, въ самомъ началѣ мая?

VIII.

Оказалось, Мареа Ивановна это слышала. Она не ужаснулась, не заплакала,

«...Родные мои,—извините, не могу помереть. Такъ я хочу, такъ хочу. Знаю, что стѣсняю всѣхъ собой. Вы изъ вѣжливости окроуѣ меня толчете...»

Ее успокаивали, что Пашенька все устроитъ. А Пашенькѣ было пятьдесятъ лѣтъ, и она уже давно, въ сущности, все и устраивала въ Рѣпьевкѣ,—наше имѣнье называлось Рѣпьевка. Какъ Мареа Ивановна оглохла, всѣ распоряженія исходили отъ Пашеньки. И окна выставляли и мыли, и занавѣси на балконѣ вѣшали, и старыя ковровыя дорожки выбивали и провѣтривали,— все подъ ея наблюдениемъ.

— А сможешь ли ты одна управиться?— спрашивала Мареа Ивановна Пашеньку и подробно поучала ее, — какъ и что надо было сдѣлать.

VII.

Старѣйшины семейства нѣсколько волновались: какъ же пройдетъ начало лѣта?

тоненькіе, какъ лезвіе перочиннаго ножа, появились кое-гдѣ, и вечеромъ давали неуловимый ароматъ весенней свѣжести. Воробьи поднимали на солнцѣ такую возню, что можно подумать, они дѣлили на части родовую недвижимость и не хотѣли уступить другъ другу ни одного лишняго кусочка.

Мареа Ивановна вдругъ стала слышать на правое ухо, не то, чтобы хорошо, но стала слышать все, что не только говорилось вокругъ нея, но и въ сосѣдней комнатѣ. Случилось это какъ-то неожиданно, такъ что многіе къ такой перемены не подготовились и сразу попали въ просакъ. И первымъ оказался Завришенко.

Мужъ одной изъ племянницъ Марѣи Ивановны, думая, что тетушка глуха,

а только стала сучить ногами подъ одѣяломъ, и потомъ сдѣлала распоряженіе:

— Помру я,— не смѣть класть на столъ. Это свинство: потомъ за этимъ столомъ сидѣть противно. А пока не принесутъ гробъ, пусть положатъ на катафалкъ.

Потомъ она спросила:

— А первое мая когда придется?

Узнавъ, что въ четвергъ, она подумала, потомъ сказала:

— Въ это число помирать не принято.

А потомъ, помолчавъ, прибавила:

— Надо либо раньше, либо позже.

И всѣ начали готовиться къ тому, что она умретъ во время полного расцвѣта природы. И такъ съ этой мыслью сроднились члены нашей семьи, что

куда бы ни шли, о чем бы ни думали, — въ концѣ концовъ все сводилось къ Марѣ Ивановѣ.

— Цвѣтныхъ платьевъ нынче носить нельзя, — говорили дамы, — и думали: а какъ нарочно, нынче сатинъ полученъ прелестный.

— Дѣтямъ ничего яркаго, — говорили матери. — Китайскій трауръ — бѣлый.

Лицейскій, готовясь къ экзамену по географіи, зубрилъ:

— Гессенъ-Дармштадтъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Гессенъ-Дармштадтъ!... А бабушка при смерти, при смерти, при смерти! Гессенъ-Дармштадтъ...

— Всю мебель въ ея комнатѣ надо переставить, — думала самая почтенная изъ тетушекъ, — чтобъ ничто не напоминало объ ея утратѣ. Даже переклеить не худо бы новыми обоями и поселить тамъ учителей. Пусть прокуриваютъ классную. Развѣсить таблицы по стѣнамъ...

Завришенко забѣжалъ черезъ день. Онъ проходилъ прямо къ больной, весело здоровался съ ней и спрашивалъ:

— Ну, какъ сегодня себя чувствуете?

Она на него смотрѣла съ укоромъ.

— Да, ничего. Даже какъ будто сильнѣе, чѣмъ на прошлой недѣлѣ.

— Даже сильнѣе? — удивлялся онъ.

IX.

Наступилъ май. Весна была въ этотъ годъ ранняя, ликующая, веселая, праздничная. Всѣ деревья къ концу апрѣля ужъ опушились, — а это на сѣверѣ рѣдко бываетъ, — и солнце стало такъ припекать, что старая поговорка: «до дня Святого Духа не снимай кожуха» утратила свое значеніе. А Марѣ Ивановна все лежала навзничъ и безъ умолку говорила.

— Вотъ, — вспоминала, она — когда императора Павла хоронили, я совсѣмъ подросткомъ была и помню, что государь Александръ Павловичъ шелъ за гробомъ въ плащѣ и въ шляпѣ съ флеромъ. И такъ было удивительно, что никто не плакалъ, а было даже какъ будто совсѣмъ напротивъ.

Иногда она вспоминала, какъ Аракчеевъ забѣжалъ къ нимъ обѣдать въ деревнѣ.

— И все онъ лицо кривилъ. Говядину ѣсть — кривить, мороженое ѣсть — кривить, за обѣдъ татаи благодарить, ручку цѣлуетъ, а самъ рожу на сторону дѣлаетъ. А потомъ ужъ папа объяснялъ, что это у него обозначало удовольствіе.

Вспоминала она и какого-то повара Серапіона.

— Такъ онъ растегаи готовилъ, такъ готовилъ, — говорила она, — что графъ Нессельроде нарочно къ намъ по воскресеньямъ прѣзжалъ, чтобы ихъ прикупать. Таяли въ роту. Солянку, бывало, изъ осетрины, и къ ней пирожки... Ахъ какъ готовилъ!

Завришенко тихо шепталъ окружающимъ:

— Ежели о кушаньяхъ заговорила, скоро конецъ. Ужъ какъ умирающій о сѣбѣ говорилъ — плохо дѣло.

У постели Марѣ Ивановны поочередно кто-нибудь сидѣлъ. И она рассказывала:

— Былъ такой писака, Николай Ивановичъ Гречъ, ходилъ въ очкахъ. Такъ вотъ онъ разъ прѣхалъ къ намъ, да и говорить...

А дежурная внучка въ это время думала:

«Въ Рѣпьевкѣ теперь ужъ муравьи забѣгали. Въ прошломъ году студентъ-медики Василій Ивановичъ сажалъ въ муравейникъ лягушку, и такъ ее дочисто муравьи обѣли, такъ обѣли»...

X.

Возы съ матрацами и платьями пошли уже въ Рѣпьевку въ расчетъ, что скоро и всѣ тронутся. А Марѣ Ивановна шутила:

— Дали мнѣ отсрочку.

Молодежь держала экзамены. У кузины Маргариты на экзаменѣ Закона Божія одинъ архіерей спросилъ: «какъ-же ты соглашаешь два положенія: что Христосъ есть и глава церкви и ея основаніе»? Маргарита только пыжилась и краснѣла, а потомъ расплакалась и сказала:

— У меня бабушка при смерти!

Ее стали отпаивать водой и поставили пять.

Вотъ и пятнадцатое число и двадцатое, а старушка все жива...

— Ну что-же? — пристають къ Завришенко.

— Упорная натура, — говоритъ онъ и предлагаетъ:

— Не собрать-ли консилиумъ?

Но противъ этого всѣ возстали: старушкѣ лучше стало, какъ-ле можно будъ ражить ее новыми лицами?

Завришенко съ этимъ не могъ не согласиться. А Марѣ Ивановна какъ-будто начала конфузиться.

— Поѣзжайте вы въ деревню, оставьте меня здѣсь, — говорила она. — Такое время хорошее, чего вамъ торчать въ городѣ! Мнѣ такъ совѣстно...

Но родственники дѣлали умильное лицо.

— Что вы, тетя, Богъ съ вами! Чего мы въ деревнѣ не видали? Вотъ поправитесь, тогда вмѣстѣ.

— Должна я къ маю помереть, а теперь іюнь на носу, мухи залетали, сирень отцвѣтаетъ, а я все дышу... Не обращайтесь вы на меня вниманія. Поѣзжайте себѣ...

— Ни-ни, да ни за что!

Но Марѣ Ивановна видѣла, какъ всѣ недовольны отсрочкой и какъ всѣ ждутъ не дождутся ея конца.

XI.

Наступилъ іюнь. Вся молодежь переселилась уже въ деревню. Но изъ взрослыхъ только кое-кто поѣхалъ туда, — большинство же осталось въ городѣ. Двое даже поссорились: одинъ, премилый генералъ, утверждалъ, что у Марѣ Ивановны болѣе трехсотъ тысячъ, а другой — длинный и тонкій юристъ съ бѣлыми губами, скептически замѣчалъ:

— Да что вы! Дай Богъ, чтобъ полтораста набралось!

Марѣ Ивановна совсѣмъ переконфузилась:

— Родные мои, — извините, не могу помереть. Такъ я хочу, такъ хочу. Знаю, что стѣсняю всѣхъ собой. Вы изъ вѣжливости вокругъ меня топчетесь. Я знаю, что всѣмъ обуза. Ужъ я стараюсь, стараюсь — ничего не выходитъ.

Разъ, оставшись глазъ на-глазъ съ Завришенко, она у него спросила:

— Иванъ Яковлевичъ, нельзя-ли мнѣ дать что-нибудь?

Онъ сразу не понялъ:

— Чего дать?

— Чтобъ скорѣе... Ужъ очень мнѣ неловко передъ всей родней.

Онъ замахалъ руками.

— Чего захотѣли! И не думайте!

— Да вѣдь давно ужъ срокъ прошелъ.

— Ну, значить такъ и быть надлежитъ...

Каждое утро Марѣ Ивановна начинала съ извиненія. Когда кто первый входилъ въ ея комнату, она говорила:

— Ужъ извините, все еще жива.

Какъ не стараюсь, ничего не выходитъ. И ничего я не чувствую. Себя не чувствую, какъ будто меня нѣтъ. Ничего не болитъ, а пошевелиться силъ нѣтъ. Качусь, качусь куда-то подъ гору, а скатиться не могу.

И знакомымъ, что посѣщали ее, она тоже говорила:

— Ужъ какъ я хочу помереть, какъ хочу, — а живу, и конецъ. Одного я боюсь: вдругъ такъ годъ или два я протяну...

Мысль эта настолько испугала одного конногвардейскаго полковника, что онъ въ тотъ же день уѣхалъ въ деревню, ворча:

— Ну, тетенька, — подвела, нечего сказать. Всѣхъ подвела...

XII.

И іюнь былъ на исходѣ, и нѣмцы на Крестовскомъ островѣ въ ночь на Ивановъ день куллербергъ справляли, и отъ жары у Завришенко лысина потѣла, а старушка все дышала.

— Ужъ не сердитесь на меня, — уговаривала она, — ну, что дѣлать — не посылаетъ Богъ по душу.

Родственники такъ привыкли къ ея извиненіямъ, что принимали ихъ, какъ должное, и смотрѣли на Марѣ Ивановну какъ на какой-то чирій, что сидитъ на тѣлѣ и не проходитъ. По-немногу всѣ стали разѣзжаться: кто поѣхалъ якобы въ командировку, кто воды пить, кто отъ ревматизма лѣчиться.

— Поѣзжайте, поѣзжайте, — уговаривала старушка. — Вонъ у Завришенко камни въ печени, онъ тоже сидитъ, — ужъ я ему говорю: да на что вы мнѣ нужны?.. Чувствую, что вѣдь я всѣхъ стѣсняю, — а ничего не подѣлать...

Въ день именинъ Марѣ Ивановны, въ началѣ іюля, рѣшено было всѣмъ съѣхаться въ городъ. Взяли повара изъ клуба и на восемнадцать персонъ сдѣлали обѣдъ. И шампанское приготовили,

и больной одинъ стаканчикъ назначили, и земляники ананасной на блюдцѣ ей принесли.

Всѣ хотѣли пойти къ ней въ концѣ обѣда, поздравить ее сообщая, — «это старушку порадуешь».

Мареа Ивановна была очень довольна, и все извинялась:

— Такъ мнѣ передъ вами совѣстно, такъ совѣстно...

Ужъ бульонъ клубился и разносился пряный запахъ отъ «биска», когда Завришенко вошелъ поспѣшно въ столовую.

— А Мареа Ивановна умерла! — заявилъ онъ съ перекосившимся, какъ у Аракчеева, лицомъ.

И всѣ родные оторопѣли: такъ это вышло неожиданно.

Посмотрѣли на нее. Она лежала неподвижно. Поѣли бискъ, поѣли ростбифа, поѣли какую-то разварную рыбу, поѣли циплять съ салатомъ, попили шампанскаго, и всѣ говорили въ голосъ:

— А какая была деликатная старушка!

* * *

— Въ сущности вѣдь говоря, мы явились очень близкими родственниками крестьянамъ Мопассана! — закончилъ рассказчикъ.

П. Гнѣдичъ.

Въ Дюнабургѣ (Двинскѣ).

(Отъ корреспондента „Огонька“).

Въ виду внезапности взятія Двинска, никто изъ жителей не успѣлъ выѣхать. Жизнь въ городѣ почти не измѣнилась. Попрежнему въ городскомъ театрѣ идутъ фарсы, раньше прельщавшіе нашихъ солдатъ, теперь развлекающіе пруссаковъ,

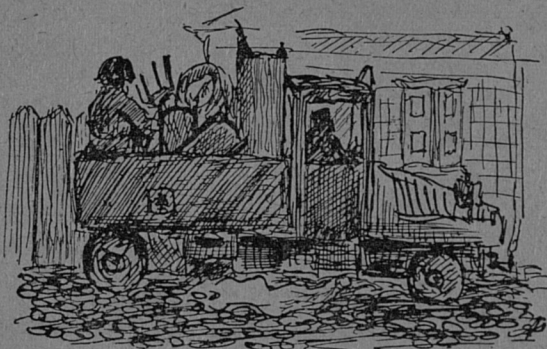
по старому занимаются среднія учебныя заведенія.

Проловольственный вопросъ разрѣшенъ нѣмцами, благодаря захваченнымъ запасамъ, удовлетворительно. На рынкахъ много ненормированнаго мяса и молочныхъ продуктовъ. Только сахара нѣтъ и, кажется, не будетъ.

Но бросающіяся въ глаза особенности все таки есть. Такъ, на углахъ стоятъ чины военной полиціи (Militär Polizei), по большей части близорукие или хромые, низкорослые. Они же охраняютъ и нѣкоторые учрежденія.

Электрическій проводъ черезъ Двину изъ Калкуня.

Германскій автомобиль вывозитъ мебель изъ покинутого обывательскаго дома.

Дома, разрушеніе которыхъ началось еще въ зиму 1916 года, нещадно уничтожаются на дрова. Это — деревянные. Каменные же, что лучше, заняты штабами и управленіями, въ худшихъ — устроены конюшни.

Наброски нашего корреспондента въ извѣстной степени иллюстрируютъ жизнь въ оккупированномъ нѣмцами Двинскѣ. Фотографированіе въ гор. Двинскѣ, конечно, запрещено. На ряду съ незначительными улучшеніями быта, нѣмцы ведутъ энергичную «политику разрушенія». Все, что можно, вывозится: мебель, дрова, сахаръ, рельсы, шпалы, мягкіе диваны изъ классныхъ вагоновъ.

Электрическая станція была еще

въ 1915 году эвакуирована, и нѣмцы по этому получаютъ энергію отъ ригорловской желѣзнодорожной станціи, гдѣ ими установлена еще одна динамо машина. Но въ послѣднее время и этой энергіи оказалось недостаточно, поэтому нѣмцы провели воздушную сѣть проводовъ отъ мощной калкунской электрической станціи (на лѣвомъ берегу Двины) до городской. Русскихъ газетъ, кромѣ «Нашего Вѣстника», нѣтъ никакихъ, нѣмецкія же продаются въ кіоскѣ Александровскаго сквера. Ко времени ихъ прибытія сюда стекается много нѣмецкихъ солдатъ и даже нашихъ жителей.

Въ послѣднее время сталъ замѣчаться нѣкоторый отливъ населенія, такъ какъ въ связи съ ратификаціей мирнаго договора германцы стали выдавать разрѣшенія на выѣздъ, какъ въ «старо-занятія», такъ и въ «ново занятія» мѣстности Россіи. Стремящихся на родину не пугаютъ даже чудовищные (для Двинска) хвосты у дверей комендатуры, и чающіе выѣзда дежурятъ иногда по три дня, да и то не добиваются нужнаго, ибо быстро выдаются пропуска только на путешествіе пѣшкомъ, верхомъ или въ телѣгѣ.

На желѣзную же дорогу пропускъ получить значительно труднѣе. Цѣны за проѣздъ повышены невѣроятно. Такъ, билетъ отъ Двинска до Вышекъ (25 верстъ къ Пскову) въ III кл. стоилъ 36 коп. — теперь же 2 руб.

На пути въ Петроградъ нашему корреспонденту пришлось видѣть убранный хвоей и флагами Псковскій вокзалъ, приготовленный для встрѣчи возвращающихся изъ Россіи германскихъ плѣнныхъ.

А. Формановъ.

Германскія конюшни въ домахъ.

Занятіе германцами Ганге.

(Отъ корреспондента «Огонька»).

Въ ночь со 2-го на 3-е апрѣля большой отрядъ германскихъ судовъ подошелъ ко входу въ Ганге и въ теченіе всей ночи производилъ траленіе фарватеровъ. Появленіе тральщиковъ въ предыдущіе дни, налетъ аэроплановъ и нѣкоторые другіе тревожные признаки давали увѣренность, что готовится какая то операція. Поэтому были потребованы ледоколы для вывода нашихъ судовъ въ

лодки противъ дрейнутовъ? Намъ оставалось одно: не даться врагу, уничтожить свои суда. Думать, что нѣмцы явились только для оказанія помощи финскимъ бѣлогвардейцамъ и насъ не заберутъ, было бы наивно.

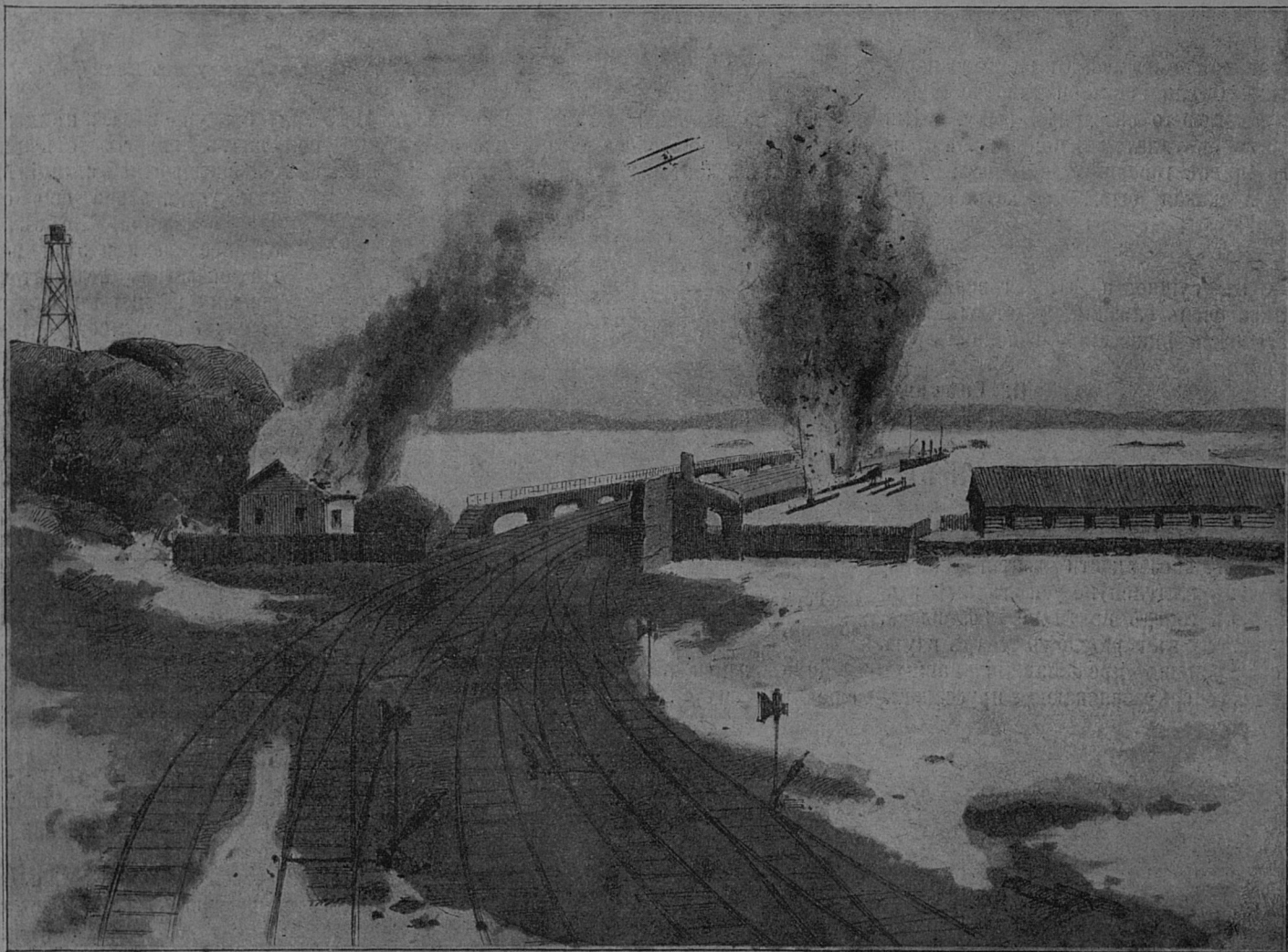
Съ тяжелымъ чувствомъ начали мы готовить наши подводныя лодки къ взрыву и свозить имущество, которое можно было захватить съ собой. Чувство горькой обиды владѣло душой каждаго. Почти два года, съ момента закладки лодокъ на заводѣ, провели мы на дивизионѣ и вмѣстѣ пережили много и тяжелыхъ, и прекрасныхъ ми-

нута. Последнее «прости» дивизиону. Первымъ взорвался нашъ транспортъ.

Нѣмецкій аэропланъ былъ такъ близко, что его рѣзко бросило, и онъ только-только не перевернулся.

Затѣмъ по очереди взлетѣли на воздухъ лодки. Взрывы были такъ сильны, что одинъ кусокъ стали, около квадратной сажени величиной, пролетѣлъ сажень 200 и упалъ рядомъ со станціей, по счастью никого не задѣвъ. Вслѣдъ за тѣмъ мы подожгли зданіе службы связи съ находившейся тамъ морской телефонной станціей и уѣхали въ Гельсингфорсъ. Черезъ полъ-часа въ гавань вошелъ пер-

Рисунокъ съ натуры для „Огонька“ очевидца, лейтенанта Ш.

Взрывъ дивизиона нашихъ подводныхъ лодокъ въ Ганге въ моментъ приближенія германской эскадры.

Слѣва—пожаръ телефонной станціи службы связи. Справа—дивизионъ подводныхъ лодокъ и его транспортъ—база при первомъ взрывѣ транспорта. Крайнее правое судно—почтовое судно „Грифъ“, не пострадавшее отъ взрыва и доставшееся нѣмцамъ. Вдали видны очертанія острова Руссаре. Въ воздухѣ—нѣмецкій аэропланъ.

Гельсингфорсъ, но до Ганге дойти они не успѣли. Къ разсвѣту выяснилось, что у нѣмцевъ ведется совершенно правильно организованная десантная операція. Впереди шли тральщики, по временамъ производившіе подводные взрывы для простѣйшаго уничтоженія минъ загражденія. За ними виднѣлись три большихъ военныхъ транспорта. Операція велась въ полномъ порядкѣ, подъ прикрытіемъ двухъ дрейнутовъ типа «Позень» и крейсеровъ. Велъ нѣмецкую эскадру нашъ же — ледоколъ «Волынецъ».

Мы имѣли категорическое приказаніе ни въ какомъ случаѣ не открывать военныхъ дѣйствій. Да и что могли сдѣлать замерзшія во льду подводныя

нута. Сердца всего дивизиона бились въ униссонъ. Многіе съ трудомъ скрывали слезы. Мы жили настолько дружно, что когда въ два часа ночи объявили командѣ, что, быть можетъ, придется взрывать суда, матросы отнеслись къ появленію нѣмцевъ совершенно спокойно, завели граммофонъ и сказали, что начнутъ собирать вещи только тогда, когда мы, офицеры, предупредимъ ихъ, что время наступило. Нужно сказать, что поѣздъ на пристань уже былъ поданъ.

Въ это время началась высадка нѣмцевъ на о-въ въ Руссаре. «Волынецъ» и ближайшія за нимъ суда уже подходили къ гавани. Наступилъ рѣшительный моментъ. Мы зажгли фитили и побѣжали на горку, чтобы послать

вый изъ транспортовъ, и городъ былъ занятъ нѣмцами.

Любопытно, что пунктъ 6-й брестскаго договора на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ изложенъ неодинаково. Въ русскомъ спискѣ имѣется указаніе, что русскія суда должны разоружиться и уйти, когда позволить состояніе льда. Этихъ словъ въ нѣмецкомъ текстѣ совсѣмъ нѣтъ, и нѣмцы, руководясь своимъ чтеніемъ, требовали немедленнаго разоруженія нашего флота, стоявшаго въ финляндскихъ портахъ, а правительство совѣтской республики, основываясь на русскомъ чтеніи, заявило протестъ противъ германскаго ультимативнаго требованія, протестъ, оставшійся, конечно, безрезультатнымъ. Ш.

ВЪ КРОНШТАДТЪ.

(Отъ корреспондента „Огонька“).

1.

Свѣтитъ нестерпимымъ блескомъ солнце. Я спѣшу на посыльномъ артиллерійскомъ суденышкѣ по льдамъ залива изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ.

Только два дня назадъ сплошнымъ зеркальнымъ настомъ прошелъ ледоколъ, промывшій тяжкимъ своимъ носомъ хрусткую тропочку, по которой, въ грохотъ и звонъ льдинъ, теперь пробѣгаютъ по-

корабли, дредноуты, бронированные зоркіе крейсера.

Изъ подъ нависшей угрозы нѣмца убѣжали двѣ части Балтійскаго флота.

Первая бригада уже давно ошвартовалась въ гавани Кронштадта.

Подъ сѣрой богатырской грудью Кроншлота имѣютъ отдыхъ уже четвертую недѣлю суда первой балтійской бригады.

Они-то, эти суда, и послужили товарищескому патріотическому дѣлу.

Первая бригада спасала, какъ могла, достоиніе второй бригады. Первая послала своихъ людей, свои суда, свой ледоколъ на помощь второй бригадѣ и

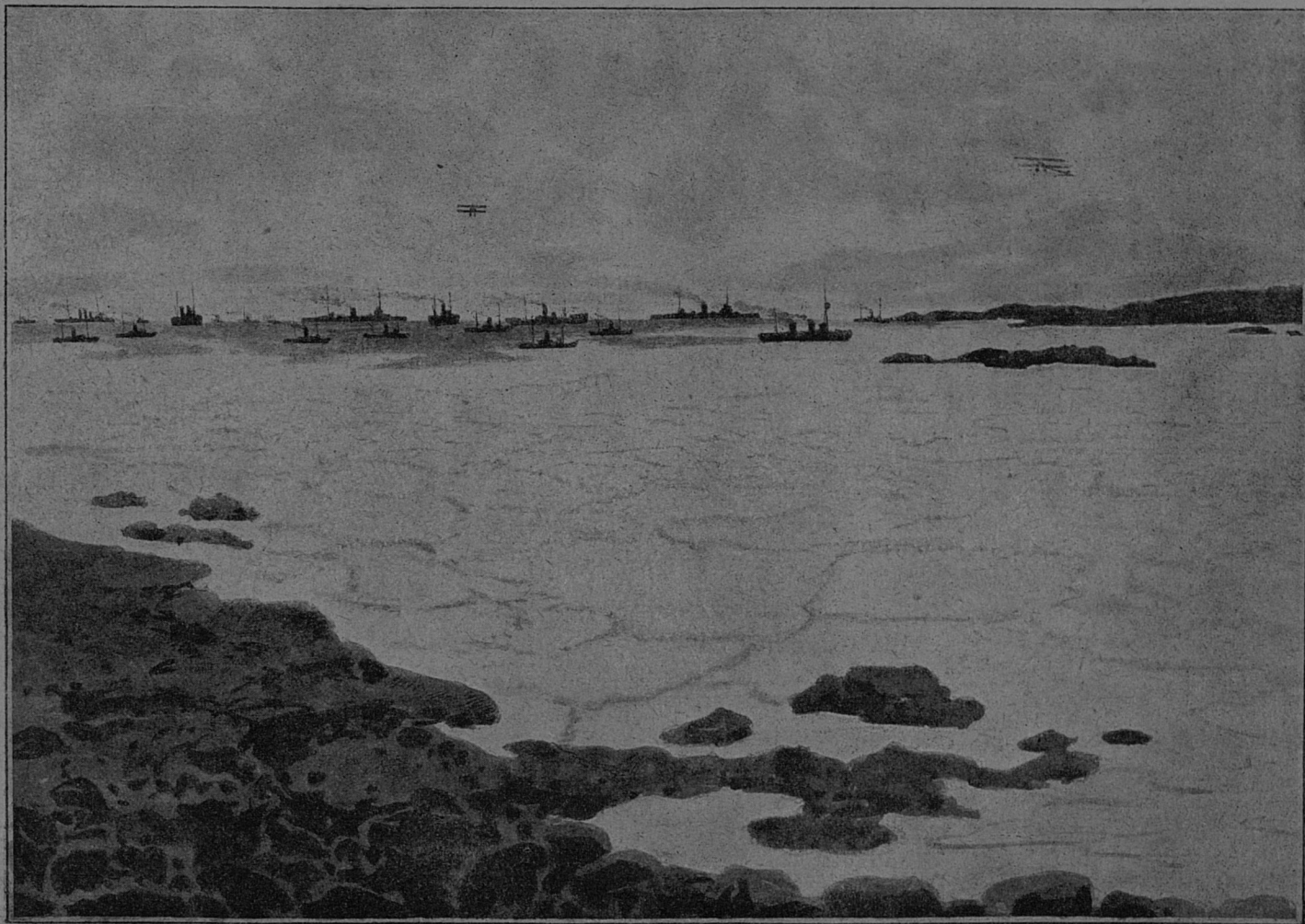
голубоватый, стройный блескъ дальнотбойнаго орудія.

— Очевидно,—подчеркивающе говорили наши собесѣдники,—нѣмецкіе помощники бѣлой оріентаціи, «бѣлогвардейцы», не рискнули завязать «официальнаго» боя, что, въ сущности, явилось бы послѣ мира, даже брестскаго, вопіющимъ нарушеніемъ законовъ.

Труденъ былъ путь,—нѣкоторыя суда, изъ мелкихъ, немного помяты льдами. Но ремонтъ не труденъ, двѣ трети судовъ спасены, а послѣдняя треть вышла изъ Гельсингфорса.

Я брожу среди доковъ. Они пусты.

Рисунокъ съ натуры для „Огонька“ очевидца, лейтенанта Ш.

Приближеніе германской эскадры къ Ганге.

Море покрыто льдомъ, за исключеніемъ той части (на рисункѣ болѣе темный цвѣтъ), по которой движется отрядъ германскихъ судовъ. Ближайшій къ зрителю справа—передавшійся нѣмцамъ ледоколъ „Волинецъ“. За нимъ приблизительно на той же линіи—германскіе тральщики. На заднемъ планѣ видны, считая справа, дредноутъ, два транспорта, второй дредноутъ, транспортъ и крейсеръ. Въ воздухѣ рѣютъ германскіе аэропланы. Десантъ производится на о-въ Руссаре, въ берегъ которого уткнулось одно изъ мелкихъ судовъ.

сылныя суденышки и небольшіе пароходики.

Вонъ, въ каштановомъ дымѣ, легшемъ надъ Котлинымъ, сквозитъ Кронштадтъ.

Ярко, какъ блеска солнца въ церковномъ крестѣ, блеститъ коротенькій лучикъ въ окошечкѣ—стеклѣ бѣлаго граціознаго маяка.

Онъ по ночнымъ сутемкамъ притушенъ и ему не приходится освѣщать пути кораблямъ, бѣгущимъ отъ береговъ Гельсингфорса въ сторону Кронштадта.

Путеводнаго огня не нужно по той простѣйшей причинѣ, что ледоколъ пробилъ толщу огромныхъ, мощнаго сѣченія льдовъ, въ которыхъ, какъ по наѣзженной колѣѣ, бѣгутъ, громясь кованными килями на льды, линейные

вывезла многое цѣнное, важное въ воинскомъ дѣлѣ.

2.

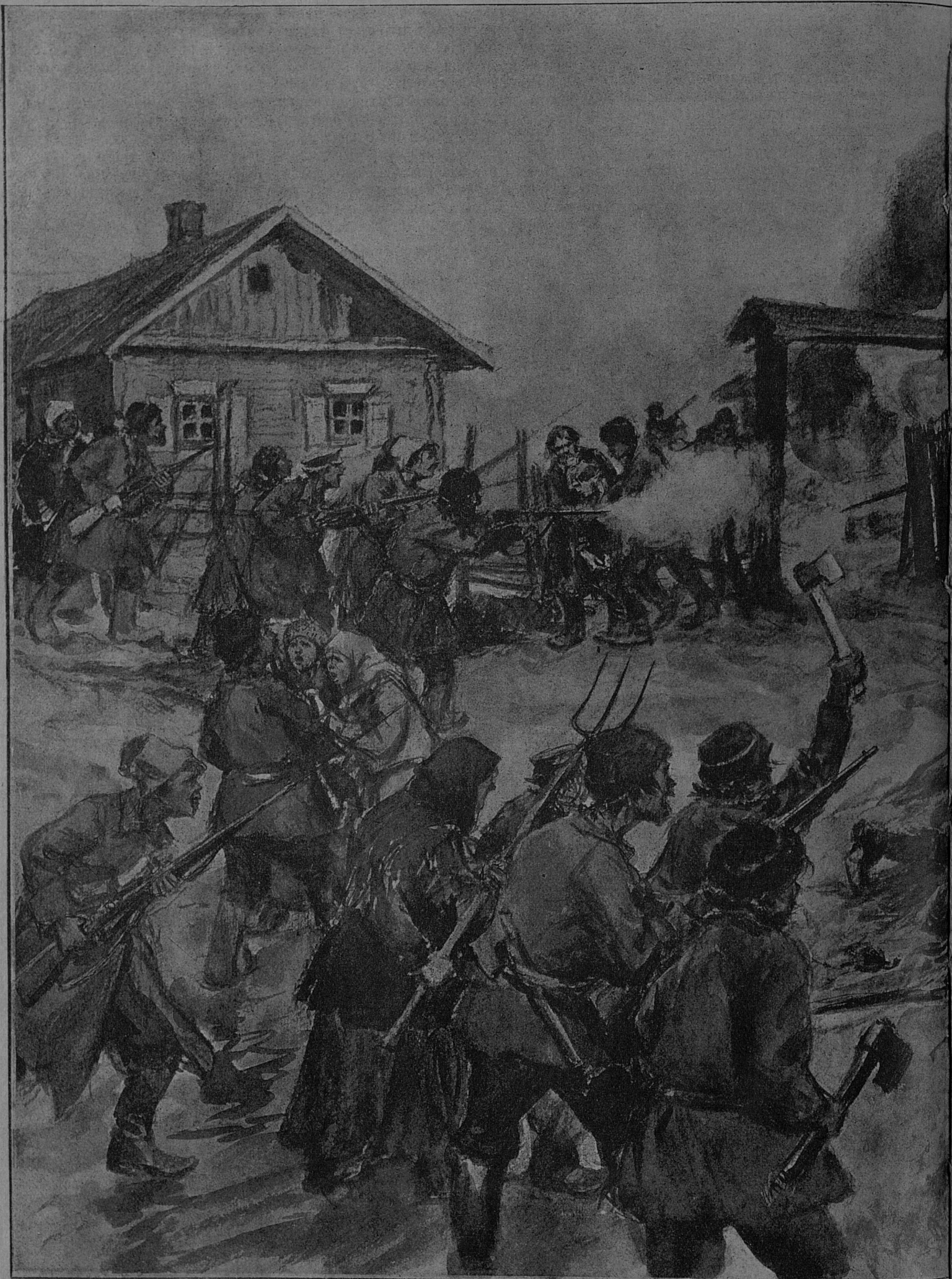
Переходъ былъ тяжекъ. Въмѣсто обычныхъ нѣсколькихъ часовъ шли едва-ли не недѣлю.

Съ одного изъ острововъ, расположенныхъ неподалеку отъ Гельсингфорса, пытались бѣлогвардейцы-артиллеристы обстрѣлять, какъ передаютъ, группу не весьма защищенныхъ судовъ и кончилось это полной неудачей, ибо ни одного попаданія не было, и дѣло весьма многозначительно ограничилось тѣмъ, что вернулся шестій неподалеку броненосный крейсеръ и на берегу трусливо смозгли, какъ только завидѣли издалека

Изрѣдка въ огромномъ докѣ, сложенномъ гранитными мощными уступами, съ деками внизу, на которыхъ такъ волшебно, въ техническомъ отношеніи, всплывая, становятся огромныя, въ стальной бронѣ, чудища моря, стоятъ узенькія суденышки. И, хотя въ докахъ выкачена до капельки вода, своими миниатюрными формами эти суденышки такъ и напоминаютъ утопленниковъ.

Все огромное теперь не можетъ поступать въ большой доковый ремонтъ. Да и понятно: нѣтъ рабочихъ соответствующе-быстрыхъ рукъ, нѣтъ и рабочаго времени.

Врагъ навалился всѣмъ туловищемъ, и послѣ брестскаго мира только громче и смѣшливѣй покрываетъ.

Весна и начало полевых работ не принесли мира в издерганную и выбитую из колеи русскую деревню. Увы, сцена, зарисованная нашим художником, запечатлывает не единственный случай, а является типичной, бытовой картиной для множества сел и деревень нашей многострадальной родины. Читайте каждый день провинциальный отдел газет. Тут и борьба между односельчанами,—сидящими на земле крестьянами и пришедшими с фронта солдатами, считающими себя

Ойденными землицей, тутъ и кровавая ссора двухъ деревень изъ-за награбленнаго помѣщичьяго добра, и просто междоусобица вернувшейся и охваченной новыми
яніями мслоджи съ деревенскими стариками.
Печальная картины воистину весенней распутицы!

Флотъ нашъ балтійскій замѣтно пере-
страивается въ своей политически-
государственной идеологіи. Чувство вы-
сокой и суровой отвѣтственности, чув-
ство патриотизма, любви къ родинѣ, по-
руганной и истерзанной въ клочья, чув-
ство сыновъ своей земли—все яснѣй и
красочнѣй, все рѣшительнѣй просту-
паетъ въ дѣтяхъ балтійскаго флота.

Правда разрушены старыя, затхлыя
ячейки, больше дышавшія казеннымъ
воскомъ, чѣмъ патриотическимъ медомъ.

Правда теперь флотъ вольный, «вольно-
наемный»...

Все, какъ я наблюдалъ, рѣшительно
во всѣхъ проявленіяхъ флотской жизни,
направлено нынче къ тому, чтобы
поставить, какъ говорятъ англичане,
«на соответствующее мѣсто соответ-
ствующаго челоука».

Нужно тутъ сказать и то, что выборныя
группы рѣдко на какомъ кораблѣ не по-
терпѣли ряда существенныхъ перемѣнъ.

Пришли новые люди, которые отбро-
сивъ политическое раскольниковство, ми-
тинговое сектанство и непомѣрную
иступленность, стали скромными масте-
рами своего дѣла. Электрики заняты
своимъ дѣломъ, минеры своимъ.

Въ сложномъ, знойномъ міркѣ тур-
бинъ, среди колѣнчатыхъ переходовъ,
сальными силуетами возятся заковчен-
ныя фигуры новыхъ работниковъ.

Приходили при мнѣ съ берега на
бортъ броненосца, на которомъ, какъ
представитель любимаго журнала во
флотъ «Огонька», былъ принятъ я, и
вели переговоры о наймѣ.

Призывался офицеръ и въ любовномъ,
простомъ, товарищескомъ разговорѣ и
съ нанимающимся машинистомъ и
съ коллегией матросовъ, управляющей
жизнью корабля, рѣшали, какъ лучше,
повѣрнѣй, поразумнѣй испытать силы
нанимающагося, какъ-бы твердо узнать,
что можетъ онъ и чего не можетъ, что
бы имѣть толковаго служащаго, а не
«баластину», какъ выражаются флотскіе.

Это отрадно!

Меня водятъ по всѣмъ угламъ и бѣ-
лымъ лакированнымъ, въ мѣдной от-
дѣлкѣ, сіяющей какъ крыло жаръ-птицы,
боковушамъ. Кипитъ тихо паръ въ под-
земномъ мірѣ.

А тутъ, сверкая полировкой, настави-
лись въ небо красавицы пушки.

Попросили меня коснуться небольшого
винтила. Легко бѣгаетъ въ рукѣ. По-
вернулъ шутя огромную пушку, ахающую
зарядомъ на разстояніе сорока верстъ.

И такъ легко, точно я сдвинулъ съ
мѣста преспапье.

И во всемъ чувствуется такая же вотъ
легкость, подобранность, врожденное
изящество, точность инструментовъ,
орудій.

Вонъ сверкаетъ черный дымъ на мо-
лочномъ пологѣ пара. То курится, какъ
нѣкая сопка, бронированная, толщиной
въ вѣковую сосну,—труба «Гангута».

Вотъ «Петропавловскъ». Вотъ «Андрей

Первозванный». Ведутъ меня къ нему
и протягиваютъ руку.

Смотрите. Что у него на носу? Стре-
коза присѣла? Или чайка отдыхаетъ!..

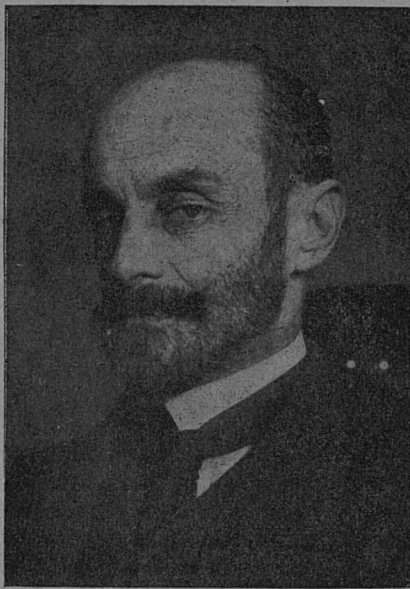
И, дѣйствительно, свѣжѣетъ всей лег-
кой своей оснасткой гидропланъ. Вы-
вели его изъ Гельсингфорса.

Могъ бы онъ не загромождать брони-
рованного носа, а летѣть надъ судами
«второго выхода», но льды крѣпко зако-
вали Финскій заливъ; только зеленѣетъ
одна тропинка, нацеленная, наколотая
посомъ тяжкаго ледокола «Ермака».

«Ермакъ» поработалъ славно и безъ
роздыха въ эту внезапную «кампанію».
Пришлось и протапывать дорогу, и
водить слабыя суда, и возвращаться
къ тѣмъ изъ нихъ, которые застряли.

Вотъ съ миноносцами—случай. Выйти
то вышли, а дальше сквозь многосанти-
метровый покровъ льдовъ имъ не про-
биться, и пошли къ нимъ навстрѣчу
ледоколы съ крейсерами.

Работы во флотѣ много. Работа не-
легкая. Все, что не можетъ ужиться

Академикъ-скульпторъ И. А. Гинцбургъ
(къ 35-лѣтнему юбилею).
По фотографіи для «Огонька».

въ атмосферѣ тяжкаго труда, уходитъ
изъ флота, бѣжитъ; и такихъ работни-
ковъ никто, понятно, не задерживаетъ.

Тоннажъ судовъ огроменъ и угля они
пожираютъ въ несчетномъ количествѣ
тоннъ,—на день гора угля, и все это
приходится «прошуровать» матросамъ.
Поневоѣ руки плетями обвиснутъ. Вско-
дитъ на верхнія палубы музыкантская
команда; и льды далеко за укрѣпленія
Кронштадта озаряетъ, какъ лучъ солнца,
нарядная духовая музыка.

Играютъ для того, чтобы легче рабо-
тать надъ углемъ.

Вонъ на вышкѣ сѣрѣетъ холщевымъ,
рабочимъ морскимъ просторнымъ костю-
момъ матросъ, работающій старательно
двумя флажками—красными бусинками,
порхающими отчетливо въ воздухѣ. Пере-
говаривается на счетъ угля съ сизѣю-
щимъ въ копоти гавани, далеко стоя-
щимъ «Ермакомъ».

Кончилъ говорить, убралъ сигнальные
флажки и большой флагъ, нѣчто вроде
носового гюйса, тоже убралъ.

Кстати, о флагахъ. Я былъ весьма
удивленъ, когда, пересѣкая заливъ на
суднѣ, ползавшемъ со скрежетомъ по
острымъ краямъ взломаннаго льда, уви-
далъ другое встрѣчное судно, вильнувшее
предъ опѣшившими взорами сине-бѣло-
краснымъ флагомъ, былымъ флагомъ,
сгорѣвшимъ въ багровомъ пламени ре-
волюціонныхъ знаменъ.

Опять, подъ дыханіемъ нѣмца, воз-
родилось чувство родины. Опять наряду
съ чувствомъ революціонности пробуж-
дается заснувшее глубоко чувство
гражданственности, любви къ родному
углу на землѣ и среди максималистически
до сихъ поръ настроенныхъ моряковъ.

— Мы хотимъ строить! Довольно, то-
варищи, мы разрушали; было бы дико,
если бы все сводилось къ искорененію
старого и любви къ руинамъ. Мы ушли
изъ Гельсингфорса не затѣвъ, чтобы дре-
мать. Мы построимъ, какъ сможемъ, новый
флотъ и станемъ защищать родину точно
такъ, какъ первая наша бригада защи-
щала вторую, какъ линейные корабли
«Севастополь», «Гангутъ», «Петропав-
ловскъ», «Полтава», крейсера «Адмиралъ
Макаровъ», «Богатырь», броненосный
крейсеръ «Рюрикъ»—защищали «Рес-
публику», «Андря Первозваннаго»,
«Баяна», «Олега».

Миноносцы мы тоже спасемъ.

Сейчасъ только насъ извѣстили о
томъ, что третій выходъ—въ морѣ, и,
такимъ образомъ, мы совершенно очи-
стили Гельсингфорсъ, и не придется
продавать боевые суда въ частныя руки,
какъ полагали, съ тѣмъ, чтобы оберечь
ихъ и спасти отъ печальной участи
стать боевымъ трофеемъ нѣмцевъ послѣ
брестскаго-то мира!—или, что еще хуже,
подвергнуть наши корабли срамному
эмбарго...

Мы снова съ Россіей. Мы стоимъ на
стражѣ, подъ парами. Дальше намъ не-
куда идти. Кронштадтъ—послѣдняя точка
въ пройденномъ Финскомъ заливѣ.

Я съѣзжаю на берегъ. Кронштадтъ
лежитъ въ розовыхъ лучахъ солнца.

Звонятъ къ вечернѣ. Православный,
тихий звонъ колоколовъ, зовущій къ
миру душевному и созерцательной мо-
литвѣ, смѣшивается съ учебной сухо-
отрывистой стрѣльбой гдѣ то на взморьѣ.

Сѣрѣетъ пепельно силуетъ Кроншлота.

Бѣло-золотая, митрообразная, шапка
приземистаго Морского собора словно
голова наблюдающаго великана, лежитъ
надъ Котлиннымъ.

Звенятъ колокола. Перезваниваютъ
хрустально льдины подъ носами судовъ.

Стройные очерки броненосныхъ судовъ
окаймляютъ городъ,—и далеко у камен-
ной грозной брандвахты, въ стальной
полосѣ прочищенной воды, блеститъ
новая подвижная точка.

Съ новымъ гостемъ, дорогой, родимый
флотъ!..

Ив. Пименовъ.

Финскій заливъ.
14 апрѣля

Письмо роднымъ съ „оказіей“.

Въ доброй половинѣ прежней Россіи почта не дѣйствуетъ, такъ какъ обычныя сношенія невозможны черезъ „непріятельскія зоны“. Напримѣръ, письмо изъ Петрограда въ Харьковъ почта не отправитъ. И на смѣну государственному аппарату пришла обывательская „оказія“, о которой забыли было и наши дѣды.

СИЛА НЕПОСТИЖИМАГО.

Разсказъ А. С. ГРИНА.

„Въ то время, какъ однимъ въ эту ночь снились сказочныя богатства Востока, другимъ снилось, что черти увлекаютъ ихъ въ невѣдомыя дали океана, гдѣ должны они блуждать до скончанія жизни“.

Ф. Куперъ „Мерседесъ-де-Кастилья“.

I.

Среди людей, обладающихъ острѣйшей духовной чувствительностью, Граціанъ Дюплэ занималъ то беспокойное мѣсто, на которомъ сила жизненныхъ возбужденій близка къ прорыву въ безуміе. Весьма частымъ, критическимъ его состояніемъ были моменты, когда, свободно отдаваясь наплывающимъ впечатлѣніямъ,—внезапно вздрагивалъ онъ въ привлекательно ужасномъ предчувствіи мгновеннаго озаренія, смыслъ котораго былъ бы откровеніемъ смысла всего. Естественно, что человѣческой разумъ, инстинктивной конвульсіей, отгалкивалъ подобный потопъ и взрывъ нервности смѣнялся упадкомъ силъ; въ противномъ случаѣ,—нѣчто, огромное сознанія, основанное, быть можетъ, на синтезѣ гомерическомъ, неизбѣжно должно было сокрушить умъ, подобно деревенской мельницѣ, обслуженной Ніагарой.

Основнымъ тономъ жизни Дюплэ было никогда не покидающее его чувство музыкальнаго обаянія. Лучшимъ примѣромъ этого, вполне объясняющимъ такую странность души, можетъ служить кинематографъ, картины котораго, какъ извѣстно, сопровождаются музыкой. Нѣмое дѣйствіе, окрашенное звуками соответствующихъ мелодій, приобрѣтаетъ поэтическій колоритъ. Теряется моральная перспектива: подвигъ и разгулъ, благословеніе и злодѣйство, производя различныя зрительныя впечатлѣнія, даютъ, суммой своей, лишь

увлекательное зрѣлище: возбуждены чувства, но возбуждены эстетически. Междѣйствіемъ и оркестромъ разстилается незримая тѣнь элегіи и въ тѣни этой тонутъ границы фактовъ, дѣлая ихъ,—повторимъ это,—увлекательнымъ зрѣлищемъ. Причиной служить музыкальное обаяніе; слѣдствіемъ является игра растроганныхъ чувствъ, ведущихъ, сквозь тѣнь элегіи, къ радости обостреннаго созерцанія.

Такое, именно, отношеніе къ сущему; отношеніе музыкальной приподнятости составляло неизмѣнный тонъ жизни Дюплэ. Его какъ бы сопровождалъ незримый оркестръ, развивая безконечныя

варіаціи нѣкой основной мелодіи, звуки которой, недоступныя слуху физическому, оставляли впечатлѣніе совершеннѣйшей музыкальной прелести. Въ силу такого осложненія воспріятій, личность Дюплэ, со всѣмъ тѣмъ, что дѣлалъ, думалъ и говорилъ,—казалась самому ему видимой, какъ бы, со стороны,—дѣйствующимъ лицомъ пьесы безъ названія и конца,—предметомъ наблюденія. Даже страданія, въ самой ихъ черной и мучительной степени, переносились Дюплэ тою же дорогой сторонняго впечатлѣнія; самъ—публика и герой пьесы—былъ онъ погруженъ въ яркое созерцаніе, окрашенное музыкальнымъ волненіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во время тревожныхъ и странныхъ словъ, переплетавшихъ жизнь съ почти осязаемымъ міромъ отчетливыхъ сновидѣній, онъ нѣсколько разъ слышалъ музыку, отъ первыхъ же тактовъ которой пробуждался въ состояніи полубезумнаго трепета. Музыка эта была откровеніемъ гармоніи, какой не возникало еще нигдѣ. Ея красота ужасала сверхъестественной силой созвучій, способныхъ, казалось, превратить адъ въ лазурь. Неохватываемое сознаніемъ совершенство этой божественно-ликующей музыки было,—какъ чувствовалъ всѣмъ суще-

ствомъ Граціанъ Дюплэ,—полнымъ воплощеніемъ тѣней великаго обаянія, съ которымъ онъ проходилъ жизнь и которое являлось, предположительно эхомъ сверкающаго первоисточника.

Однако, память Дюплэ по пробужденіи отказывалась возстановить слышанное. Напрасно, еще полный вихреныхъ впечатлѣній, схватывалъ онъ карандашъ и бумагу, въ обманчивомъ восторгѣ ложнаго захвата сокровища; звуки, удаляясь, блѣднѣли, вспыхивая изрѣдка мучительнымъ звуковымъ счастіемъ, смолкали, и тишина ночи ревниво останавливала ихъ эхо — музыкальное обаяніе.

Граціанъ Дюплэ былъ скрипачъ.

II.

Изысканія Руміера въ области цвѣтной фотографіи и гипноза, — въ двухъ, столь различныхъ вѣдомствахъ ищущей дѣятельности, достигнувъ значительныхъ успѣховъ, создали, тѣмъ самымъ настойчивому ученому многочисленный и непрерывно увеличивающійся кругъ почитателей. Поэтому дверной звонокъ былъ мучителемъ Руміера, и онъ, въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь, съ мукой выслушалъ его двадцатый по числу трескъ, замѣтивъ слугъ, что если посетитель не выкажетъ особой настойчивости, — не лишнимъ будетъ напомнить ему объ окончаніи, черезъ пять минутъ, пріемнаго часа доктора.

Однако, возвратясь, слуга доложилъ, что посетитель, очень болѣзненный человекъ съ вѣду, проявилъ требовательность раздражительную и упорную. Руміеръ отложилъ въ сторону блѣдный снимокъ цвѣтущихъ утреннихъ облаковъ и перешелъ къ письменному столу, гдѣ встрѣчалъ посетителей. Давъ знакъ

Изъ гвардіи полковника въ легковыя извозчики.

Туалетъ передъ отправленіемъ на новую службу.

пропустить неизвестнаго къ себѣ, онъ увидѣлъ челоѣка вульгарной внѣшности, типа рыночныхъ проходимцевъ, одѣтаго безотносительно къ модѣ и съ сомнительною опрятностью; онъ былъ малъ ростомъ, но страшно худъ, что замѣняло ему высокіе каблукіи. Тупое страданіе мелькало въ его запавшихъ глазахъ; лобъ былъ высокъ, но скрытъ прядями черныхъ волосъ, забытыхъ гребнемъ; нервность интеллигента и огрубѣніе тяжелой жизненной школы смѣшивались въ этомъ лицѣ, насчитывавшемъ, быть можетъ, тридцать съ небольшимъ лѣтъ.

— Я—музыкантъ,—сказалъ онъ послѣ обычныхъ предварительныхъ фразъ, произнесенныхъ взаимно, — и чрезвычайно прошу васъ не отказать мнѣ въ великой помощи. Случай, который видите вы въ моемъ лицѣ, едва ли

во мнѣ душа наша болѣе воспріимчива,—разъ, зная, *помня*, что слышалъ эту чудесную музыку, — я тѣмъ не менѣе, безсилень удержать памятью даже одинъ тактъ. Какъ бы то ни было, — усердно прошу васъ приложить все ваше искусство или къ укрѣпленію моей памяти, или же, — если это возможно, — къ прямой силѣ внушенія, подъ неотразимымъ давленіемъ которой я могъ бы сыграть (я захватилъ скрипку), въ присутствіи вашемъ, все то, что такъ отчетливо волнуетъ меня во мнѣ. Два, различной важности, слѣдствія можетъ дать этотъ опытъ: первое — что совершенство таинственной музыки окажется соннымъ искаженіемъ чувствъ, какъ, нерѣдко, бываетъ съ тѣми, кому снится, что они читаютъ книгу высокой талантливости, межъ тѣмъ проснувшись, вспоминаютъ лишь рядъ бессмыслен-

ныхъ лишенъ тѣней безумія и Руміеръ напелъ, что опытъ, во всякомъ случаѣ, общаесть быть интереснымъ. Однако, прежде, чѣмъ приступить къ этому опыту, онъ счелъ нужнымъ предупредить Дюплэ объ опасности, связанной съ такимъ сильнымъ возмущеніемъ чувствъ въ гипнотическомъ состояніи.

— Вы,—сказалъ Руміеръ,—не подозреваете, вѣроятно, ловушки, въ какую можетъ заманить васъ чрезмѣрное мозговое возбужденіе, оказавшееся (надо допустить это) безсильнымъ возстановить несуществующее. Допуская, что эта мелодія—лишь поразительно ясное представленіе—желаніе,—жажда,—все, что хотите, но не сама музыка,—я могу наградить васъ тяжелымъ душевнымъ заболѣваніемъ: даже смерть угрожаетъ вамъ, въ случаѣ мозгового кровоизліянія, что возможно.

Н О В Ы Я Д Е Н Ъ Г И .

По оригиналамъ, любезно доставленнымъ „Огоньку“.

200-рублевый чекъ пятагорскаго отд. гос. банка.

10-рублевый кредитный билетъ ростовскаго отд. гос. банка.

Все больше и больше на пространствѣ бывшей Россійской имперіи ощущается недостатокъ въ прежнихъ кредитныхъ билетахъ. Кромѣ керенокъ (имперскихъ денегъ купюрами въ 25, 50, 100 и 500 р. почти нѣтъ въ обиходѣ), въ обращеніе вошли листы Займа Свободы въ 50 и 100 р., всевозможные купоны, денежные знаки городскихъ самоуправленій и проч. Теперь появились и чеки частныхъ коммерческихъ, нынѣ «национализированныхъ» банковъ, выпускающихъ деньги совмѣстно съ отдѣленіями государственнаго банка. Вотъ любопытный образецъ такого чека на 200 р. Приводимъ факсимиле лицевой стороны. На оборотной изображено:

Чекъ гарантированный (обезпеченный). На сумму настоящаго чека пятагорскимъ отд. государственнаго банка наложено запрещеніе на текущій счетъ вкладчика, и деньги будутъ выданы только лишь подателю этого чека. Въ виду недостатка въ настоящее время кредитныхъ билетовъ, срокъ дѣйствія этого чека продолженъ. Дѣйствителенъ до 1-го іюля 1918 г. Слева печать гос. банка и подписи управляющаго и контролера. Справа подпись: „Принимается наравнѣ съ кредитными билетами“.

представлялся разнообразію даже вашей практики. Меня зовутъ Граціанъ Дюплэ.

Около года назадъ, среди сновъ, ощущенія и детали которыхъ имѣютъ для меня почти реальное значеніе, благодаря ихъ, — такъ сказать, — печатной яркости, — я уловилъ мотивъ, — неизъяснимую мелодію, преслѣдующую меня, съ тѣхъ поръ почти каждую ночь. Мелодія эта переходитъ всякія границы выраженія ея силы и свойствъ, — обычнымъ путемъ словъ; слышавъ ее, я готовъ увѣрять въ музыку сферъ; есть нечеловѣческое въ ея величіи, межъ тѣмъ, какъ красота звукоочетаній неизмѣримо превосходитъ все сыгранное, до сихъ поръ трубами и струнами. Она построена по законамъ намъ неизвѣстнымъ. Пробуждаясь, я ничего не помню и, тщетно цѣпляясь за *впечатлѣніе*, — единственное, что остается мнѣ въ этихъ случаяхъ, подобно перу жаръ-птицы, — пытаюсь открыть источникъ, сладкая капля котораго удсажаетъ жажду погибающаго въ безводіи. Быть можетъ,

нынѣ фразъ; тогда, увѣрившись въ самообманѣ, я прибѣгну къ систематическому леченію, вполнѣ довольный сознаниемъ, что не много теряю отъ этого; второе слѣдствіе — нотное закрѣпощеніе мелодіи, — неизмѣримо важнѣе. Быть можетъ — весь музыкальный міръ прошлаго и настоящаго времени исчезнетъ въ новыхъ открытіяхъ, какъ исчезаютъ сѣмена, ставъ цвѣтами, или какъ гусеница, переставшая въ назначенный часъ быть скрытой, ликующей бабочкой. Быть можетъ, — измѣнится, сдвинувшись на основахъ своихъ, самое сознание челоѣчества, потому что — повторяю и вѣрю себѣ, въ этомъ, — сила той музыки имѣетъ въ себѣ нѣчто божественное и сокрушительное.

Дюплэ высказалъ все это, сопрягая рѣчь сильной, но плавной жестикуляціей; его манера говорить высказывала челоѣка, привычнаго къ разсужденіямъ не только лишь о вещахъ банальныхъ или семейныхъ; взгляды его, хотя напряженный, изболчивая крайнюю нервность,

— Я готовъ,—сказалъ Дюплэ.—Распорядитесь принести мою скрипку.

Когда это было исполнено, и Дюплэ съ смычкомъ и скрипкою въ рукахъ усѣлся въ глубокое, покойное кресло, Руміеръ, въ теченіе, не болѣе, какъ минуты, усыпилъ его взглядомъ и приказаніемъ.

— Граціанъ Дюплэ!—сказалъ докторъ, испытывая непривычное волненіе,—приказываю вамъ меня слышать и мнѣ повиноваться во всемъ, безъ исключенія.

— Я повинуюсь, — мертвенно отвѣтилъ Дюплэ.

Квартира Руміера была въ первомъ этажѣ, окнами выходя на небольшой переулочекъ. Окно кабинета было раскрыто. Музыкантъ сидѣлъ невдалекѣ отъ окна. Онъ былъ неподвиженъ и блѣденъ; крупный, холодный потъ стекалъ по его лицу. Руміеръ, помедливъ, сказалъ:

— Дюплэ! Вы слышите музыку, о которой мнѣ говорили.

Дюплэ затрепеталъ; невидящія глаза открылись широко и безумно и молнія экстаза измѣнила его лицо, подобно за-сверкавшему отъ солнца, тусклому до того морю. Долгій, какъ стихающій гулъ колокола,—стонъ огласилъ комнату.

— Я слышу!—вскричалъ Дюплэ.

— Теперь,—дрожа самъ въ потокѣ этого нервнаго излученія, незримо раз-сѣваемаго музыкантомъ;—теперь,—про-должалъ Руміеръ,—вы играете то, что слышите. Скрипка въ вашихъ рукахъ. Начинайте!

Дюплэ всталъ, рѣзко взмахнулъ смыч-комъ и сердце гипнотизера, силой мгно-венно прихлынувшей крови, болѣзненно застучало. При первыхъ же звукахъ, слетѣвшихъ съ струнъ скрипки Дюплэ, Руміеръ понялъ, что слушать дальше, нельзя. Эти звуки ослѣпляли и низвер-гали. Никто не могъ бы рассказать ихъ. Руміеръ лишь почувствовалъ, что вся его жизнь, въ томъ видѣ, въ какомъ протекла она до сего дня,—совершенно ненужна ему, постыла и бесполезна, и что, подѣ дѣйствіемъ такой музыки,—человѣкъ, кто бы онъ ни былъ,—совер-шить все, съ одинакой яростью упоенія,—величайшее злодѣйство и величайшую жертву. Тоскливый страхъ овладѣлъ имъ; сдѣлавъ усиліе, почти нечеловѣче-ское, въ томъ состояніи,—Руміеръ вы-рвалъ скрипку изъ рукъ Дюплэ съ такимъ чувствомъ, какъ еслибы плю-нулъ въ лицо божества, и, прекративъ тѣмъ уничтожающее очарованіе, крик-нулъ:

— Дюплэ! Вы ничего не слышали и ничего не играли. Вы совершенно за-были все, что происходило во время вашего сна. Сядьте и проснитесь!

Дюплэ, сѣвъ, сонно открылъ глаза. Пробужденіе оставило ему чувство без-предѣльной тоски; онъ помнилъ лишь зачѣмъ пришелъ къ Руміеру и, возста-новивъ это, задавъ соотвѣтствующій вопросъ.

— Слѣдовало ожидать этого,—сказалъ Руміеръ, стоя къ нему спиной и повер-нувшись лишь послѣ того, какъ овла-дѣлъ волненіемъ.—Высыграли нѣсколько опереточныхъ арій, перемѣшанныхъ съ обрывками серенады Шуберга.

Послѣ краткаго разговора, послѣдо-вавшего за сообщеніемъ Руміера, Дюплэ, растерянно извиняясь, поблагодарилъ его и вышелъ на улицу. Здѣсь, съ первыхъ шаговъ, догналъ и остановилъ его неиз-вѣстный, прилично одѣтый человѣкъ; онъ былъ чрезвычайно возбужденъ; взглянувъ на скрипку Дюплэ и мелькомъ поклонившись, человѣкъ этотъ спросилъ:—Простите,—не вы ли это играли сей-часъ за окномъ, выходящимъ на пере-улокъ? Музыка ваша внезапно оборва-лась; случайно проходя тамъ, я слышалъ ее и желалъ бы еще услышать. Что играли вы? Вопросъ мой не празденъ: я, бывшій офицеръ, плакалъ навзрыдь, какъ маленькій, среди шума и суеты дня отъ невѣдомыхъ чувствъ. Что это, Ради Бога, и кто вы?

Дюплэ, начавшій слушать разсѣянно, подѣ конецъ рѣчи прохожаго мгновенно уяснилъ истину. Бѣшенство овладѣло имъ. Оставивъ своего собесѣдника, съ

быстротой оскорбительной и тревожной, онъ кинулся назадъ, позвонилъ и менѣе чѣмъ черезъ минуту снова стоялъ передъ изумленнымъ гипнотизеромъ. Ярость за-ставила его потерять всякую связность рѣчи; задышавъ, онъ крикнулъ:

— Ты скрылъ!.. Скрылъ!.. Негодяй! Знаешь ли ты, что взялъ у меня!? Хуже убійства! Нѣтъ прощенія! Смерть!.. Смерть за это!

Онъ бросился на Руміера и повалилъ его, нанося удары. Въ этотъ моментъ явились на шумъ слуги. Они не безъ труда связали Дюплэ, который послѣ того, распоряженіемъ доктора былъ отвезенъ въ психіатрическую лечебницу.

* * *

Съ тѣхъ поръ онъ жилъ тамъ, про-являя всѣ признаки неизлѣчимой мелан-

холіи, перемежающейся, время отъ вре-мени, припадками самаго разнузданнаго бѣшенства. Въ тихомъ состояніи онъ, обыкновенно, подолгу, съ тоской и сле-зами, игралъ на своей скрипкѣ, ища по-терянное и удивляя врачей оригиналь-ностью нѣкоторыхъ фантазій, сочиняе-мыхъ непрерывно. Иногда, среди ва-ріацій на одну, особенно грустную тему, изъ подѣ его смычка слетали странные такты, заставляющіе блѣднѣть,—вспыш-ки обезиленной красоты,—намеки на нѣчто большее... но это повторялось все рѣже и кончилось съ его смертью, при-шедшей въ бреду, полномъ горячихъ просьбъ поднять безжалостный занавѣсъ, скрывающій таинственное, прекрасное зрѣлище.

А. С. Гринъ.

Денежные бунты въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Царствованіе «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича (1645—76 г.г.) ознаменовано было рядомъ войнъ и народныхъ мятежей. Послѣдніе довольно часто возникали на почвѣ денежнаго кризиса въ странѣ, явившагося слѣдствіемъ какъ непрерывныхъ войнъ, поглощавшихъ государственную казну, такъ и пережитаго Россіей разорительнаго для нея Смутнаго времени.

Такъ, по одному изъ заключенныхъ съ Швеціей договоровъ царь обязался заплатить деньги за перебѣжчиковъ (бѣженцевъ) изъ уступленныхъ Швеціи по Столбовскому миру русскихъ областей, и въ счетъ этихъ денегъ отпустить Швеціи хлѣбъ изъ казенныхъ псковскихъ житницъ. Псковичи возмутились и въ февралѣ 1650 года захватили шведа Нуменса, везшаго деньги изъ Москвы, пытали его и заключили въ тюрьму, едва не убили воеводу кн. Львова, а архіепископа Макарія два раза сажали на цѣпь. Мятежъ продол-жался до половины августа и былъ подавленъ силою оружія.

Съ картины В. М. ВАСНЕЦОВА.

Примѣру Пскова послѣдовали тогда же Новгородъ, гдѣ былъ захваченъ и избитъ 15 марта датскій посланникъ, навлекшій на себя подозрѣніе народа въ томъ, что также везъ деньги изъ Москвы къ нѣмцамъ.

Въ 1656 году не хватило казны для выдачи жалованья ратнымъ людемъ. Выпущены были въ обращеніе мѣдныя деньги, которыя должны были ходять по одной цѣнѣ съ сере-бряными. Года два новыя деньги не вызывали недовольства, но затѣмъ онъ начали пони-жаться въ цѣнѣ, вслѣдствіе появленія большого числа фальшивыхъ монетъ и отказа Мало-россіи послѣ измѣны Ив. Выговскаго принимать мѣдныя деньги.

Наступила страшная на все дороговизна. Въ іюлѣ 1662 года въ Москвѣ появились «подметныя» (анонимныя) письма, въ которыхъ обвинялись въ измѣнѣ родственники царя Милославскіе, купецъ Шоринъ и бояринъ Ртищевъ; послѣднему молва приписывала мысль о выпускѣ мѣдныхъ денегъ.

Вспыхнулъ мятежъ. Мятеежники двинулись огромною толпою въ с. Коломенское, гдѣ по лѣтамъ жилъ царь, и потребовали выдачи «враговъ народа». Алексѣй Михайловичъ тщетно пытался лично успокоить толпу.—«Если добромъ тѣхъ бояръ не отдашь»—кричали ему мятеежники,—«то мы станемъ брать ихъ у тебя силою». Тогда противъ толпы были двинуты стрѣльцы и придворная стража и много мятеежниковъ было перебито и переловлено.

КАРЬЕРА ЛОШАДИ.

Зарисовка съ натуры Л. АЖИНОВА
и худ. С. ЖИВОТОВСКАГО.

I.

Зловонный, тошный запах крѣпко бьетъ по ноздрямъ...

Коровы базы съ изглоданными пере-
кладинами и озеромъ жидкаго навоза,
въ которомъ дробятся голубыми бусин-
ками свѣтъ кроткаго неба, я минулъ и
иду къ конебойнямъ.

Что ни день—столица съѣдаетъ около
шестисотъ лошадей и, большей частью,
лошадей изъ подъ кавалерійскаго чеп-
рака, изъ подъ казеннаго сѣдла.

Убиваютъ тутъ и коней изъ обоза
«Краснаго Креста», расформированной
«Сѣверо-помощи», изъ ремонта вышед-
шихъ въ бракъ.

Что ни день, то шестьсотъ боевыхъ
друзей человѣка падаютъ подъ татар-
скимъ прямымъ ножомъ-колуномъ.

Работа идетъ утомительная—мало ли
горлъ нужно широко распахнуть, чтобы
изъ подъ омоченной кровью гривы, раз-
вѣвавшейся
недавно по
полямъ Га-
лиціи и Вен-
гріи, выпу-
стить всю
необходи-
мую кровь.

Вотъ Аль-
буминный
переулокъ.
Старый за-
пахъ за-
стоялся въ
самомъ воз-
духѣ.

Еще кое
гдѣ лежатъ
пятнышки
нетронута-
го, неза-
топаннаго
снѣга. Но
кажется и
голубова-
тый снѣгъ
дышитъ
разложені-

емъ отщелачиваемой перерабатываніемъ
крови.

Въ глубинѣ направо стоитъ похилив-
шееся набокъ печальное и обглоданное
лошадиными зубами дерево. И оно
сѣетъ въ воздухъ отраву,—пылилки
кровь.

Чтобы добыть воскового оттѣнка про-
теиновую массу, льютъ кровь нещадно,
суютъ ножи къ горламъ, къ грудямъ.

Внутри тихо и пустынно. Первый
дворикъ, потомъ второй.

Кирпичныя стѣны напоминаютъ ден-
ники старыхъ, солидно-построенныхъ
усадебъ. Съ той стороны, когда, покру-
живъ по протоптанной дорожкѣ, зайдешь,
щели-входы. На асфальтѣ, тихо кру-
тись и не уплывая съ мѣста, плаваютъ
требушина, вздущая синюю пашину,
отливающую на солнцѣ перламутровой,
мутной игрой.

Сейчасъ только этотъ конь ржалъ.
Потомъ взвизгнулъ осатанѣло и болѣз-
ненно, въ припадкѣ умнаго ужаса.

Но его еще разъ ударили привыч-
нымъ лезвіемъ и онъ замолкъ.

Коровъ, меланхолически дергающихъ
пережевывающей нижней губой и во
время приготовления бойцовъ въ зака-
ленѣлыхъ черно-красныхъ запахахъ и

съ жестяными ножнами на боку, лошади
ничѣмъ не напоминаютъ.

Коровы совсѣмъ благодушны. Быки
иногда артачатся и пытаются бороться
за жизнь, отстаивать свои права, но
жесткая рука убійцы хватается за хво-
сты у самаго конца, у кисточки, и
крутитъ въ бокъ, расплескивая адскую,
невѣроятную боль по морщащемуся
заду быка. Тогда быкъ рѣшительно и,
наклонивъ рога, съ мужественностью
прекрасной и тоскливой, грохочетъ ко-
пытомъ и, все понимая или почти все,
становится, куда приказываетъ чело-
вѣкъ и умираетъ въ той удобной позѣ,
какая нужна утомленному бойцу.

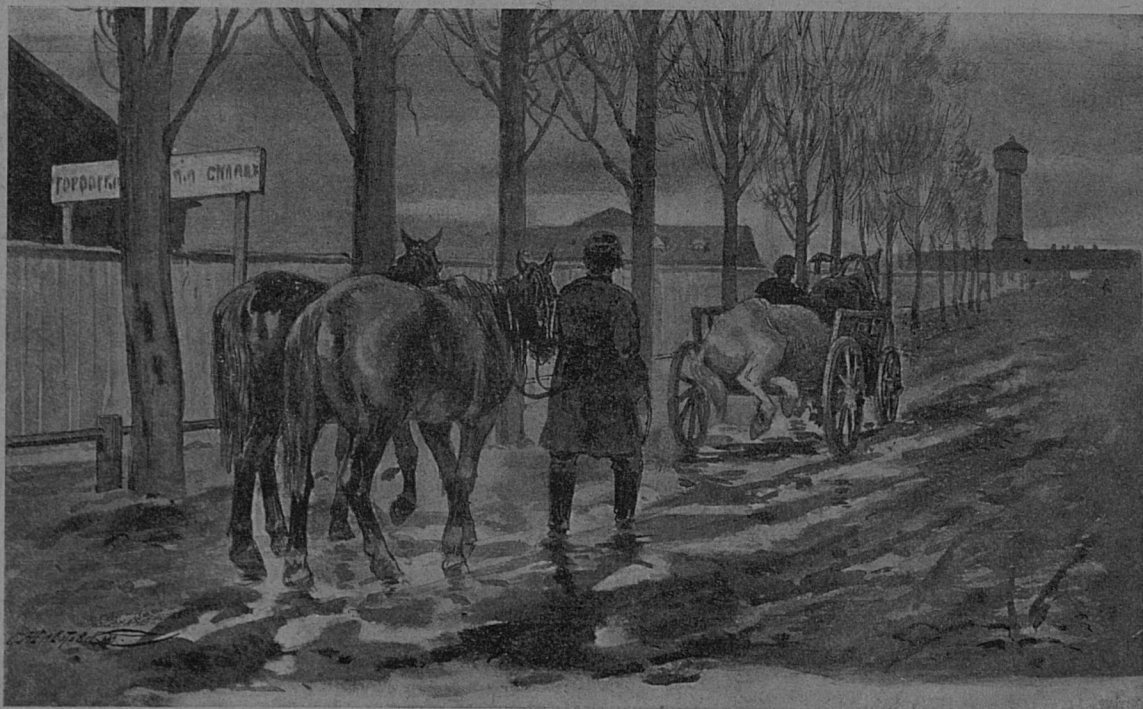
Иное дѣло кони. Они всегда тонко
взвѣшиваютъ всѣ признаки и оттѣнки
смерти.

Смерть они видали всюду, подъ всѣми
широтами дерущейся Европы и знаютъ
въ смерти толкъ.

Они не хотятъ умирать и залиvisto
гогочатъ, сопятъ, пускаютъ теплый,

сѣномъ и
ячменемъ
отдающій
духъ изъ
выворачи-
вающихъ
ноздрей.

Съ подкру-
ченной зад-
ней ногой,
подтянутой
подъ взду-
вающийся
животъ,
конь пада-
етъ и, лежа,
уже не
ржетъ, а
только
звонко ды-
шитъ и ко-
ситъ сире-
неватый,
смуглый бѣ-
локъ, на-
блюдаетъ
красивымъ
горящимъ,

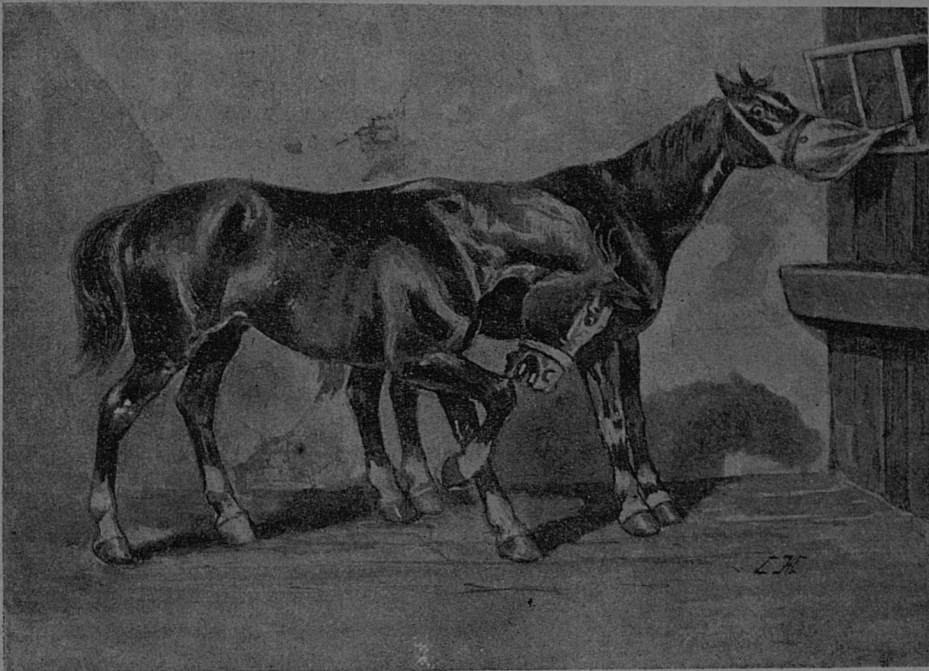

На Альбуминной улицѣ, по дорогѣ къ конебойнямъ.

ненавидящимъ глазомъ за пригото-
вляемъ.

усами и бородкой-муромкой, работаетъ
не совсѣмъ обычно.

тыми носами и пекутъ на крови карто-
фельную, мытую шелуху. Дешево и пи-
тательно.

Въ лошадиномъ сумасшедшемъ домѣ.

Два дѣловито скупыхъ, размѣренныхъ
удара ножемъ колуномъ, и Петроградъ
получаетъ свои десять
пудовъ парной маха-
нины.

Конь кладетъ голову
на асфальтъ, оскали-
ваетъ зубы; и вѣки на
выпуклыхъ его глазахъ
порхаютъ, дрожатъ,
какъ бы стоня страш-
ное видѣніе смерти
или послѣднюю слезу.

Фельдшеръ осматри-
ваетъ тушу. По двору
суетятся.

Носятъ конскіе сы-
чуги. Свѣжуютъ.

Хвостатыя, мягкія
шкуръ, дышущія теп-
ломъ, какъ угрѣтое въ
постели одѣяло, отта-
скиваются въ сторону.

Коровы тѣ висятъ,
подъ ножемъ мясника,
наводящаго пашину и
подрѣзающаго оттопки,
на стальныхъ цѣпяхъ
и въ полутемномъ
корпусѣ, красныя и
глянцевитыя; напоми-
наютъ какія-то огром-
ныя потушенныя лам-
пады на цѣпочкахъ,
страшныя лампы,
предъ чревомъ обжор-
ливаго божка.

Лошадей обдираютъ
на полу, частью, бы-
ваетъ, въ полуподвѣ-
шенномъ видѣ.

Отсюда иду въ лавку.

Татаринъ, въ лисьемъ малахаѣ, и
съ огненными подстриженными по губѣ

Части парного коня висятъ на
крючьяхъ и кровь звенитъ, капая, въ

Тѣмъ временемъ бабы подносятъ су-
дочки съ кровью вчерашнихъ обозныхъ
коней и, окунувшись хозяйскимъ гла-

На коммунальной конебойнѣ.

жестяныя корытца, поставленныя у зомъ въ кровь, татаринъ изрекаетъ:
— Двассать копеекъ!

Бѣдныя бабы за нѣсколько копеекъ
собираютъ кровь въ судочки съ отби-

Самыя обездоленныя слѣдятъ за при-
ѣздомъ телѣги—какъ у дверей остано-

вися, собираютъ подъ колесами капающую кровь.

На
спѣ-
гу
чисто,
а какъ
спѣтъ
сошелъ
— трудно
стало.

Кромсаютъ
ножъ и валят-
ся гранатова-
го отгѣнка куски
убоины; и я вспо-
минаю, глядя, дру-
гое..., совсѣмъ другое.

2.

Большой, сѣверо-запад-
ный городъ. Меня спрашива-
ютъ, показавъ все, что мож-
но показать въ городѣ, обра-
щенномъ въ военный постой:

— Хотите, сумасшедшій домъ
покажемъ?

— Домъ?

— Да. Вѣрнѣй сказать, сума-
шедшій конюшни?

Мы пересѣкаемъ улицу, проходимъ
дворъ, загроможденный круглыми поход-
ными кухнями, и попадаемъ въ су-
масшедшій конюшни.

Ярко свѣтитъ солнце, чертя узоры,
золотые въ пыли старновки, освѣшей
на стеклахъ въ коньѣ конюшни.

Отвалили широкое полотно двери и
навстрѣчу намъ не донесся, а какъ-то
покатился взбѣшенный, нервный гоготъ
рослаго, вороного коня.

Его глаза были покрыты слезами,
но и сквозь блескъ плачущей влаги,
проступала мертвенная матовость. Эти
глаза угасли вслѣдъ за разумомъ.

Ноги коня были схвачены цѣпами и
сыроматный ремень крутилъ его морду
съ бѣлой луной — отмѣтиной въ широ-
комъ лбѣ — къ конюязи.

Подбираясь тѣломъ, онъ озирался и
дико и залиvisto ржалъ.

— Не понялъ войны, — кратко сказалъ
врачъ, — и коню, чтобы помириться съ
ужасомъ крови, нужно многое перева-
рить, понять... Не понялъ!

Рядомъ, въ узкомъ стойлѣ хриплѣ
конь въ торбѣ, обтягивавшей полускры-

тую морду. Голова была притянута
на канатъ къ потолку.

— А этотъ?

— Обычный видъ
сумасшествия у
животныхъ. Бѣтъ
себя.

— Себя? Бѣтъ?

— А пог-
лядите на
правую
переднюю
ногу. Въ
походѣ
сталь
сгры-
зать
ко-

смертью, и самозащита одна — либо
удрать, либо сойти съ ума, сбѣ-
дуть...

— Тоже самозащита? Безуміе то?

— А вы, какъ представляете себѣ?
Инстинктъ жизни тушилъ работу мозга
и въ ремонтскомъ конѣ, чтобы страхъ
заглушить...

Жеребецъ, съ луной во лбу, зарыдалъ
фальцетомъ, перешелъ на баритональ-
ные ноты и огласилъ воплемъ сума-
сшедшій конюшни.

Бѣдные, бѣдные! Сколько вѣрнаго со-
дружества человѣку вынесли въ себѣ.
Подъ бризантными шлепками въ непо-
году, подъ ракетами, призывающими
смерть, подъ навѣсомъ пулеметной
выби.

Только благородный мозгъ, чистый
какъ тонкій напитокъ можетъ замут-
ниться. Только существо, близкое по
разуму къ человѣку, можетъ такъ обе-
зумѣть.

— Слизнякъ, устрица не сбрен-
дятъ — какъ выразился докторъ.

А теперь по Забалканскому въ крас-
ныхъ телѣгахъ, покрашенныхъ су-
рикомъ и кровью военныхъ коней,
тащатъ стройные торсы, голые,
трясущуюся мякоть. Всенапотре-
бу изголодавшемуся человѣку.

Человѣкъ послѣ войны
демобилизовался. Конь съ
сѣдломъ сбросилъ и
шкуру.

Какъ туманные кони
въ могучей трагедіи Иб-
сена, летятъ на не-
бо, въ свою лошади-
ную, свою конскую
Валгалу вчераш-
ніе полувоины —
полувѣри.

Что ни
день — та-
бунъ освѣ-
женныхъ
скаку-
новъ —
тѣней
мчится
въ не-
бо.

жу,
дог-
рызся
до кос-
ти. Если
могъ бы,
отъ стра-
ха и нена-
висти, себя
сгрызъ бы...
На той недѣлѣ
одинъ такой дру-
гой ночью сталь
забѣгать и ѣлѣ, а
тотъ молчалъ, толь-
ко отфыркивался.

Докторъ закурилъ
папиросу и послѣ
первыхъ клубовъ дыма молвилъ тихо:
— Это что же! Что люди, что кони —
никому не охота помирать нагло!

Какъ больно...
Какъ преступно и

Л. Ажиновъ.

решается запустить безъ шума совокъ въ желѣзный звѣвъ печурки.

Поддѣла
огненную,
швыряю—

щуюся въ сырой воздухъ искрами голловню, да осыпала и съ досады плюнула.

Истопники прыгнули:

— Ты чего, бабочка? Воровать ходишь!

— Да што ты! Одурѣлъ, землякъ,— робко и воровато произносить баба.

— Миѣ-бы самоварчикъ вздуть, а уголь, хоть плачь, не разжигается.

— Не семени, полудурокъ. Мы тебя запримѣтили; норовишь полѣно скрасть. Какъ же! «Са-мо-варъ» ставишь! Былъ

Гдѣ стирать рыбу съ лотка, салаку.

Гдѣ руку за милостыней потянуть.

Грѣются. Похваливаютъ. Ахъ, хорошо! Что въ твоихъ хоромахъ.

— Когда раньше богатыми мы были, русскую печь разведемъ и пироги валяемъ у глобчика. Хорошо было!...

Золотое пламя свѣтитъ на сѣдины, отребся. Вспоминаютъ. Нѣжятся.

* * *

Въ одной изъ многихъ, привокзальныхъ лавченокъ, торгующихъ «настоящими шотландскими сельдями» и нобандероленими папирсами, на стѣбѣ за перегородкой виситъ рядомъ съ облѣзлой гитарой нѣсколько солдатскихъ шинелей и шапокъ безъ кокардъ, да картузовъ тоже безъ воинскихъ знаковъ.

Старикъ лавочникъ подторговывалъ до послѣдняго времени довольно страннымъ «прокатомъ», какъ говорятъ его абоненты.

Кому нужно съѣздить въ пригородъ и подальше, но на срокъ очень недолгій, кто хочетъ закупить и безпрятственно провезти продукты въ мѣшкахъ, тотъ прямо идетъ къ старику и ведетъ «споръ о ризахъ».

Торгуются о шинели.

За сутки старикъ бралъ такъ: шинель съ фуражкой—рубль, шинель съ

Мотивъ тотъ, что въ папахѣ у пассажира видъ будетъ не такой, не робкій и «зайчиный», а грозный, независимый, бравурный.

— Ежели ты брать въ папахѣ поѣдешь, ну тады смѣло вези хотя бы пудъ говядины, вязокъ двадцать лужскихъ баранокъ, папирсъ сколько въ мѣшокъ окунется!...

Старикъ натаскиваетъ своихъ кліентовъ, обучаетъ, какъ шинель носить, если абонентъ никогда солдатомъ не былъ.

Съ гвоздика снимаютъ шинель и новый путешественникъ толчется въ вагонномъ проходѣ, суетится, толкается, загромождаетъ товаромъ диваны.

Теперь дѣла «костюмеровъ» плохи. Солдатская волна похлынула... И къ солдатамъ относятся построжке.

* * *

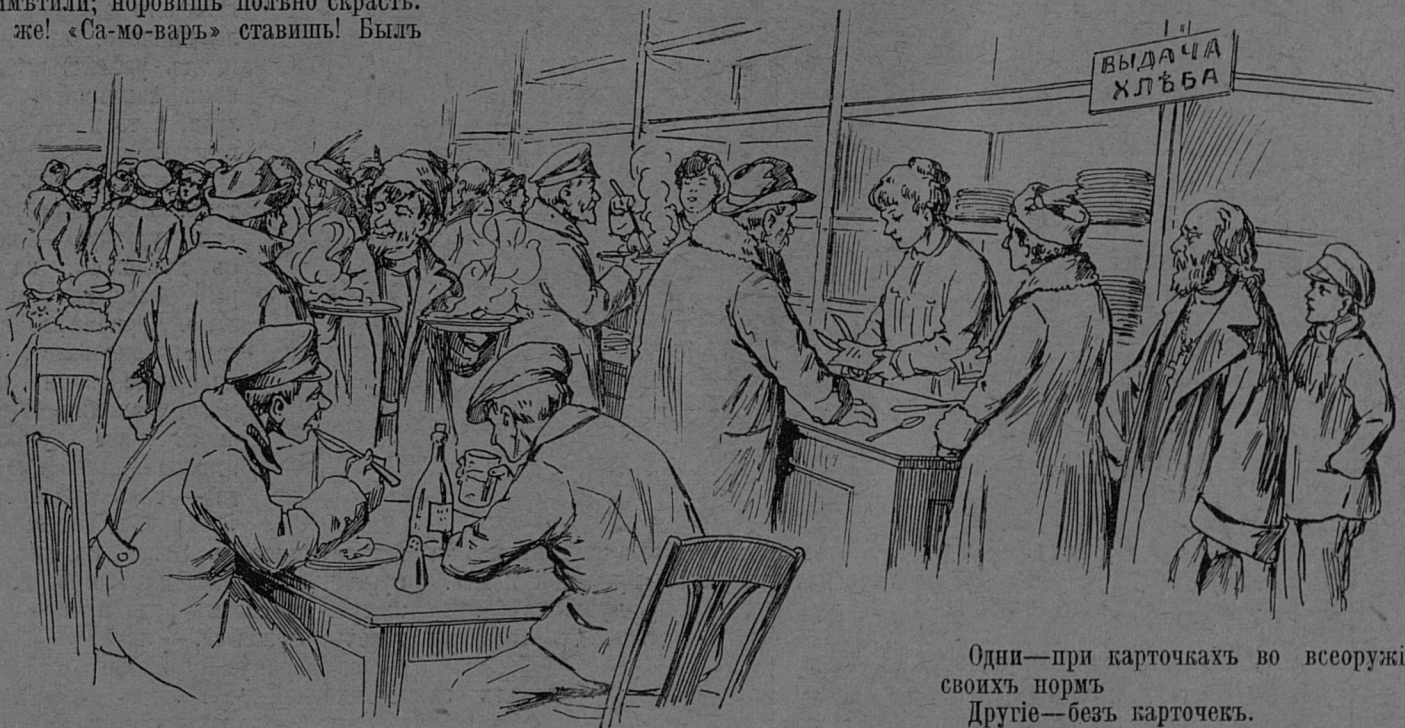
Въ кондитерской Филиппова разставлены столы, покрытые клеенкой. Въ этой широкой залѣ еще, какъ высокимъ штилемъ изрекаютъ поэты, «витааетъ» сдобный духъ изюмныхъ булочекъ, смоленскихъ хлѣбцевъ, шорбровтовъ, алытдейчей и «хворостовъ» на ванили!...

Теперь эту гастрономическую утонченность грубо и побѣдно затмеваетъ запахъ кислыхъ, «пронзительныхъ» щей, жареныхъ на коковарѣ какомъ-то или жароварѣ судаковъ, прѣлага хлѣба, настриженного мелко-премелко по карточной нормѣ.

Продовольственная управа кормитъ тутъ своихъ столовниковъ.

Никто, по первому разу, не можетъ толкомъ разобраться въ кажущейся анархїи.

Откуда-то тащатъ толстаго фаянса тарелки, ножи, вилки. Многіе сами приходятъ съ дорожными палочками, которыя расчлениаются, если раскрыть, на вилку и плоскій ножикъ.

Одни—при карточкахъ во всеоружїи своихъ нормъ

Другіе—безъ карточекъ.

Но все уходятъ сытыми.

Если кто претендуетъ на мясное блюдо, запаренное на сотни желудковъ въ огромномъ походномъ котлѣ, то онъ долженъ приносить съ собой мясную карточку и

онъ у тебя,—самоваръ!

Баба изгнана. Сползаются старухи. Полунищенки.

папахой «манчжурскаго образца», какъ говорятъ шутливо бывалые солдаты, полтора рубля.

прежде, чѣмъ онъ поднесетъ къ губамъ кусокъ убоины «гигроскопическихъ размѣровъ», — какъ не унывающе шутятъ здѣшніе ѣдоки, у него состригутъ кусочекъ картона.

— Товарищъ, чего вы мухъ ртомъ ловите, ноздрей выпускаете?

— Что дѣлать — не знаю. Гдѣ тарелка для меня? Двадцать битыхъ минутъ тарелку за столомъ высживаю, а никто не несетъ.

— И што за принецъ! Тутъ воспитанностей этихъ самыхъ не полагается. Сами смотайтесь за тарелкой и вилку съ ножомъ прихватите.

— Вы записаться на обѣды?

— Такъ точно-съ...

— Пожалуйте ваши купонные талоны. Мы срѣжемъ у васъ жиръ...

— Берегись, Вавиловъ, она у тебя жиръ посрѣжетъ, — грузно шутятъ въ чавкающей, захлебывающейся горячимъ, толпѣ прилежныхъ ѣдоковъ.

— Срѣжу у васъ жиры — невозможно продолжаетъ барышня, — крупу и мясо...

— Мясо срѣжетъ! — задыхается отъ хохота и чертовой мѣсятки одинъ изъ шутниковъ.

На него цыкаютъ. Выпучивъ глаза и дуя въ ложку, онъ затихаетъ.

Скоро вся «филипповская компанія» вникаетъ въ пиццу.

Стучать ложки. Пахнетъ варевомъ...

Ножницы рѣжутъ хитроумные узоры.

Столовниковъ второй недѣли прикрѣпляютъ до конца мѣсяца.

Бѣгутъ ножницы по «третьимъ» купонамъ на жиры, «вторымъ» на крупу и мясо.

Ѣдоки обезпечены на три недѣли. Счастливы!

* * *

Подъ самымъ Петроградомъ. Между станціями С. и К.

Третій путь весь загроможденъ болыными вагонами.

Печально и страшно глядѣть на эту нескончаемую шеренгу сотенъ вагоновъ, выбывшихъ изъ числа состава, кормящаго, поющаго Петроградъ.

Какъ странно ходить мимо этой:

— Аллеи смерти!

Какъ вполне справедливо и жутко называютъ путейцы эти болыные шеренги.

Одна эпидемія родитъ другую. Хо-дишь, ходишь у отодвинутыхъ дверей

товарныхъ вагоновъ. Когда ихъ только починаютъ!

Изрѣдка, гдѣ то дятломъ простучитъ колеблющій и пробующій шины молоточекъ слесаря или осмотрщика...

И опять тихо. Какъ на деревенскомъ, угрюмомъ погостѣ...

* * *

За стѣнами Александровской лавры, вдоль желтыхъ унылыхъ корпусовъ монашескихъ складовъ, стаями бродятъ сизоголовые голуби, а между ними, въ пріятную компанію, мрачные взъерошенные вороны.

Въ Англіи, да и во всей Европѣ, давнымъ давно уже распространился полуварварскій, въ сущности, обычай разстрѣливать голубей. Въ голубиномъ садкѣ изящные джентльмены и лэди, вооружившись небольшими полугрушевыми ружьями, безжалостно разстрѣливаютъ слабыя пернатые тѣльца. Тамъ это носитъ характеръ спорта ради спорта.

А здѣсь, у желтыхъ стѣнъ, бродятъ далеко изящные джентльмены, хотя и въ каскеткахъ англійскаго образца и, изловчившись, мѣтко шлепаютъ увѣсистыми, плоскими камнями то въ голубя, а то и въ чернаго ворона.

Бьютъ и изъ рога-токъ. Ловятъ воронъ и «на удочку» — веревку съ крючкомъ, на который насажено конское мясо. Черномазые вороны даютъ липоватое, отгалкивающее своимъ видомъ мясо, напоминающее отчасти мясо русака. За такую — милостью голода — дичь платятъ до 5 руб. Такое «брю-

нетное» мясо, въ смѣси съ кислой капустой, отшибающей вороній духъ, пожалуй, въ своемъ родѣ и напоминаетъ галошье фрикассе, — лакомство, поймавшееся французами на московитской замороженной дорогѣ.

Хотя и въ другую сторону, — исторія повторяется... Увы! и историческія блюда...

Августъ.

Нѣкоторые и совсѣмъ наклонились набокъ, какъ избушка «Костяной Ноги».

Питеръ сидитъ безъ муки, хлѣба.

Дѣти чахнутъ, мрутъ. Съ голодухи хлещетъ тифъ.

Укладываетъ эпидемія подвалъ за подваломъ.

А тутъ носители сытости красные вагоны тоже — «болыны».

Тоже эпидемія — развала, опущенности.